АЛЕКСАНДР ШАДОВ

СУММА АНТИСЦИЕНТИЗМА



Александр Шадов
Сумма Антисциентизма

https://litres.ru/74981327
SelfPub; 2026

Аннотация

"Сумма антисциентизма" — исследование, в котором критикуется наука, научное мировоззрение и научная монополия на познание.

Александр Шадов более десяти лет занимается этой проблемой и объединил аргументы — логические, этические, метафизические, — показывающие, что "научная картина мира" не нейтральна: она ограничена языком, культурой, социальными интересами и структурой восприятия.

Содержание

Предисловие	6
Пять групп определений науки и соответствие научных дисциплин этим определениям	20
Введение в проблему	21
Виды антисциентизма	74
Гегемония науки и плюрализм – homo scientificus	85
Параграф 1. Сакрализация науки	86
Параграф 2. Доступность и проверяемость научных данных и теорией	93
Параграф 3. В защиту научпопа	99
Параграф 4. Презрение сциентистов к философии науки	105
Параграф 5. Научная экспансия	107
Параграф 6. Научный миф	114
Параграф 7. Эпоха тотальной наивности	119
Параграф 8. Эффективность науки	129
Параграф 9. Научная монополия на познание	137
Параграф 10. Наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе?	145
Параграф 11. Вред, который наносит наука философии	153
Параграф 12. Наука против религии	157

Параграф 13. Объективность 165
Параграф 14. Наука и скептицизм 171
Параграф 15. Наука и практика 177
Конец ознакомительного фрагмента. 184

Сумма Антисциентизма

Предисловие

Если в Эпоху Просвещения необходимым признаком свободомыслия было несогласие с церковными догматами и авторитетом церкви, то в современном мире им окажется несогласие с догмами научной методологии и авторитетом науки. Впрочем, не каждый критик науки мыслит свободно. Многие антисциентисты (наверное, даже большинство) — это религиозные фанатики[1]. Несогласие с догмами науки — лишь необходимый признак, но не достаточный. Это подкрепляется и тем положением, что все подлинно (философски) мыслящие люди по определению продуктивного мышления[2] (и философии[3]) обязаны выражать ту или иную степень несогласия с научной догматикой. Все настоящие мыслители в той или иной степени антисциентисты[4]. Мыслитель не может быть полноценным адептом науки или какой-нибудь религии, иначе самая важная часть его мировоззрения окажется навязанной, а не созданной им самим, что в свою очередь

---

[1] Притом не каждый религиозный человек является фанатиком. Но среди антициентистов множество совершенно отбитых креационистов. С условием, что не каждый креационист фанатик.

[2] Продуктивное мышление – это способность, позволяющая создавать новые идеи и их комбинации.

[3] Философия – это наивысшая форма проявления продуктивного мышления.

[4] По избранным нами определениям другого и быть не может.

лишает его статуса мыслителя.

«Сумма Антисциентизма» – это работа, собирающая в себе огромное количество аргументов против науки, научного метода и сциентизма как такового. Текст написан в аргументативной форме для наилучшего восприятия со стороны читателей, сциентистов, аналитических философов и прочих людей, которых подкупает подобный стиль. К сожалению, многие в принципе не могут воспринимать интеллектуальную информацию вне аргументативной формы. Такой недуг не может быть исправлен в мгновение ока, а потому в рамках данного текста я готов поступиться своими стилистическими принципами и написать строгий аргументативный текст.

Следует заметить, что многие позиции из «Критики научного познания»[5] лично для меня устарели. Именно поэтому я нуждаюсь в новой работе, которая будет прояснять моё отношение к науке и демонстрировать мою антинаучную аргументацию. «Критика научного познания» была написана, когда мне было девятнадцать-двадцать лет. Тогда я ещё не был искушён в философии и не провёл больше десятилетия в спорах с учеными и сциентистами. Эта критическая книга в довольно нелаконичной форме лишь проясняла некоторые мои интуиции относительно науки. Там присутствовали хорошие заходы и критические положения, но они были перемешаны с откровенно слабыми попытками уязвить нау-

[5] Предыдущая моя книга, посвященная критике науки.

ку, которые строились на неточности и непонимании данного явления[6]. Также там отсутствовала строгость в ряде определений. Впрочем, чего еще ждать от девятнадцатилетнего парня, который только что начал заниматься философией и сразу взялся за такую серьезную тему? Мне кажется, что «Критика научного познания» — это отличное достижение для мыслящего юноши, но у того текста есть серьезные недостатки, которые будут учтены в этой работе. Исправлять «Критику научного познания» нет смысла, потому что придётся удалять половину позиций, а все остальное выправлять стилистически почти с нуля. Я все же хочу оставить обе книги для потомков неизменными, чтобы те могли проследить эволюцию моей антисциентической мысли.

Первое и самое важное, что я не смог принять к рассмотрению в своей ранней работе – это неоднородность сциентизма. Сциентизм состоит из множества сект, каждая из которых понимает под наукой что-то своё и пытается навязать это определение другим (впрочем, эти группы далеко не всегда последовательны). Именно поэтому в данной работе я буду периодически ставить акцент на том, против какой группы сциентистов ведётся аргументация. Для удобства выделим несколько форм сциентистов: объективисты (наука полностью объективна и открывает истину), фальсификационисты, инструменталисты и социально ориентированные сциентисты (наука как академическое сообщество). Важно от-

[6] Или непоследовательного понимания.

метить, что в чистом виде мало кто принадлежит только к одной из этих групп. Часто человек понимает науку с нескольких сторон, но мы в данной работе будем адресовать ответы разным подходам, как будто существуют последовательные их сторонники, так как так будет значительно удобнее.

Объективисты (научные реалисты) верят, что научные факты и теории абсолютно правдивы и если, допустим, в каких-то теориях наука сейчас заблуждается, то в скором времени сможет открыть истину в том или ином вопросе. Им свойственно считать так: что истинно или крайне вероятно, то и следует считать наукой и научным. Этот подход во многом базируется на наивном позитивизме. **Фальсификацинисты (критические реалисты)** считают, что главным критерием научности является возможность опровержение той или иной теории. Соответственно, под наукой мы будем понимать исключительно теоретические области, которые предлагают прежде всего эмпирическую фальсификацию своих позиций, производящуюся в экспериментах и наблюдениях. В процессе длительной фальсификации ложных теорий допускается возможность приближения к истине. **Инструменталисты** полагают, что наука – это не столько инструмент познания, сколько инструмент ориентации человека в природе и обществе, то есть исключительно практическая вещь. Сами по себе теории и гипотезы не наделяются свойством быть истинными или даже претендовать на истину, а рассматриваются в практическом ключе. **Социаль-**

ная ориентация в философии науки и обывательском сознании заставляет нас рассматривать науку как некую академическую культуру (сообщество) в целом, куда входят не только естественные науки, но и все остальные.

Также можно отметить ряд других подходов к философии науки. Ответ на вопрос о сущности науки у людей очень разнится. Кто-то считает, что наука – это просто некое **знание (эпистема)**, а потому злополучный немецкий **Wissenschaft** или аристотелевское знание в переводах почти всегда превращаются в «науку». Отсюда и возможность говорить об античной, индийской или китайской научной мысли. Впрочем, иногда под наукой понимают чистую **практику** и все пути, которые к ней ведут. В таком случае мы тоже можем говорить о древних науках и ученых-питекантропах, изобретающих простейшие инструменты. Кто-то просто считает, что наукой является некая **совокупность достоверной информации** о мире, культуре, истории вне зависимости от методов её получения, среды и практических следствий. Кто-то думает, что наука представляет собой, прежде всего, **фактологию**, то есть исследует, собирает и классифицирует факты, а теории здесь уже оказываются чем-то вторичным.

Каждый из этих подходов имеет место, а также довольно ярко отражается в академической деятельности. Я поделюсь с вами наблюдением: если человек является представителем, скажем, исторических наук, то ему удобнее рассматривать

«науку» как таковую через призму своей дисциплины и, следовательно, игнорировать те подходы к определению, которые выталкивают историю из списка наук. Например, научная фальсификация в истории не применяется, потому что историки не изобретают законов истории и не создают фундаментальных исторических теорий (как это делали, например, марксисты), а потому и невозможно проводить их опровержение. Историки здесь не уникальны. Большинство академических специалистов смотрят на слово «наука» с «колокольни» своей дисциплины. Социологи легко предложат ряд социологических подходов к описанию науки. Филологи скажут, что они довольно точно исследуют Достоевского. Математики либо начнут фантазировать об идеальных космических числах, либо будут опираться на инструментальную пользу математики.

Самая главная причина критиковать науку заключается в том, что само слово наука имеет слишком много значений и контекстов. Все эти значения и контексты категорически абстрактны. Один и тот же человек чаще всего путается в них и использует слово «наука» сразу в нескольких противоречащих друг другу смыслах. И отсюда у меня возникает стойкая интуиция, что на самом деле «наука» — это ничто. Просто пустой собирательный абстрактный термин, который обозначает все, что считается хорошим в познании. А что считается хорошим? Факты, эмпиризм, непротиворечивая теория, опровергаемость? Тут уже каждый человек ре-

шает сам для себя к какому лагерю примкнуть. Наука вызывает у людей неимоверный восторг, но в то же время люди не имеют единого представления о том, что это такое. Вероятно, объекта обожания как такового и не существует.

Впрочем, мы не обойдёмся таким простым подходом к опровержению. Наука – это абстракция. Довольно очевидный тезис. Абстракция, которая указывает сразу на разные и даже противоречащие друг другу свойства. Науки как таковой не существует, но мы попробуем рассмотреть разные точки зрения людей по вопросу определения науки и опровергнуть их.

Также следует заметить, что я не являюсь противником практики и прогресса. Если вы считаете, что наука – это практика, то я скажу, что тогда не являюсь антисциентистом. Моя основная критика направлена на две группы сциентистов: объективистов и фальсификационистов. Главная цель данной работы – показать сомнительность научных теорий и научной картины мира в целом. Скептики делят мир на *феноменальную* и *ноуменальную* сферы. *Феноменальная* – это область чистых явлений, а *ноуменальная* – теоретических объяснений. Скептицизм делает очевидный вывод о том, что феноменальная сфера несомненна и операция сомнения к ней неприменима, потому что сами феномены не претендуют ни на какую истинность и не имеют объяснительной силы. Ноуменальная же сфера, то есть сфера мыслимого, ощущается полностью сомнительной, потому что нет точного кри-

терия, на который можно было бы положиться в нахождении истины и в приближении к ней. Каждое отдельное философское учение, включая науку, выдвигает такие критерии, но все они берутся спонтанно на веру и не представляются надежными. Надежность ускользает. При любом достаточно подробном расспросе лучших представителей тех или иных мировоззрений легко прийти к базовым положениям, которые берутся на веру. И у науки тоже есть такие положения.

Начнем с того, что наука опирается на «естественную установку» или, если угодно, «натуралистическую установку». Если академическая дисциплина не использует естественную установку, то, как мне видится, к научной картине мира она не имеет никакого отношения[7]. Что такое естественная установка? **Естественная установка** – это базовые положения, которые необходимы для работы научного метода, то есть такие положения, которые закрепляют онтологическую естественность окружающего нас мира. Вот эти положения:

— Мир является естественным и только естественным;

— Бритва Оккама (не умножай сущности);

---

[7] Например, социология не опирается на естественную установку. Она не включается в научную картину мира. Люди верят в существование динозавров и эволюции согласно научной картине мира, но их ничто не заставляет придерживаться социологических кейсов, потому что они в большинстве случаев не входят в «канон» сциентиста. Более того, некоторые социологические подходы, например, социальные конструктивизм, критикует научную картину мира и её несомненность.

— Мир функционирует по одним и тем же законам на всех уровнях, в любом месте и в любое время;

— Вера в наличие того или иного порядка, который человек может обнаружить на разные уровнях мироздания

— Наблюдаемый мир точно не является иллюзией;

— Мир принципиально измерим;

— То, что существует, может быть обнаружено прямо или косвенно с помощью технологий.

Каждое из этих положений представляется в радикальной степени сомнительным, но нарушение любого из них разбивает все шансы на достоверное научное познание. *Познание* – процесс обретения знаний. От этого точно страдает трактовка объективистов, потому что объективность научных методов напрямую зависит от истинности этих убеждений. Более подробно это будет аргументированно ниже.

«Сумма Антисциентизма» — это собирательная работа, которая критикует науку, научную методологию, научную картину мира и поклоняющийся всему этому сциентизм. Данная книга ориентирована не только на нерелигиозных антисциентистов, как я, но и на религиозных. Религиозные допущения будут использоваться здесь в качестве конкурирующих теорий, которые противоречат научной картине мира. Этот труд может стать орудием для интеллектуального сопротивления научной гегемонии. На сбор этих аргументов я потратил более десяти лет. Многие из них взяты из трудов

известных философов науки (Поппер, Кун, Лакатос, Фейерабендт), мыслящих ученых (Пуанкаре, Эйнштейн) и просто создателей своих философских систем, а некоторые сформулированы лично автором. За эти годы проделана основательная работа, а потому критика содержит множество прямых и косвенных подкопов к основанию научной догматики.

Под **сциентистом** в данном тексте понимается наукопоклонник, который обладает главным свойством: он поддерживает **монополию науки на познание,** притом сюда включается познание в любых конкретных дисциплинах, включая физику и биологию. Некоторые дают определение сциентизму через радикальные его формы, то есть пытаются называть этим словом человека, который считает, что наука должна заменить не только все формы познавательной деятельности, но и все культурные и общественные институты. Честно говоря, представителей подобной позиции я не встречал[8], а потому считаю их исключительно мифологическими существами, а определение сциентизма через тотальную экспансию научного подхода за пределы области познания вижу бессмысленным. Но что означает «поддерживать монополию науки в познании»? Во-первых, необходимо полагать что научный метод является самым лучшим из всех методов (не важно с какой стороны это заявляется: с объек-

[8] Кроме, наверное, пары блогеров, которые кичились тем, что читают научпоп. Но даже ключевые сциентисты по типу Докинза, Панчина, Дробышевского и всех остальных – не готовы отдать науке на растерзание все сферы человеческой жизни.

тивистской, инструменталисткой или социальной). Во-вторых, необходимо думать, что любой областью исследования (биологией, физикой) должны заниматься лишь учёные (люди, использующие конкретную методологию), а не, скажем, философы или другие люди, которые могли бы предложить альтернативный взгляд на вещи. В-третьих, авторитет научного сообщества в ваших глазах должен быть настолько силён, что вы достаточно легко подчиняетесь его силе, если не владеете достаточной информацией. Соответственно, **антисциентист** – это человек, который отрицает науку или сомневается в ней, а также выступает против монополии науки на познание. Антисциентист полагает, что научный метод либо не является самым лучшим, либо имеет сомнение в данном убеждении; не считает, что разными исследовательскими дисциплинами должны заниматься только люди с научным подходом; не подчиняется авторитету ученых до тех пор, пока ему ясно и наглядно не докажут те или иные положения (что обыкновенно оказывается невозможно, потому что для доказательства большинства положений в науке необходимо обладать специализацией, а без этой специализации этих ученых и проверить толком не получится. Эта специализация подразумевает научный подход и базируется на традициях, которых мы в этой книге тоже коснёмся).

В число антисциентистов могут входит как религиозные деятели, так и философы. Более того, всякая философская система, отличная по методологии от науки, вынуждена по

определению быть антисциентичной, даже если так или иначе хочет казаться наукой. Например, марксизм базируется на принципах, отличных от научных, но при этом постулирует, что диалектический материализм должен называться научным. Марксисты часто критикуют всю современную науку, Поппера, инструменталистов и любой подход, который так или иначе противоречит их марксистской базе. Это я бы обозначил как неосознанный антисциентизм.

Борьба философии и правящей интеллектуальной монополии – буквально история развития нашего европейского общества. Сначала такой монополией стал платонизм, потом христианство, а сейчас их заменила наука. История продолжается в том же духе, но интеллектуальная монополия никогда не была так сильна, могущественна, авторитетна и богата. Антисциентическое сопротивление необходимо этому миру. Более того, важно, чтобы антисциентисты, базирующиеся на абсолютно разных принципах, как минимум сошлись в одном: начали вместе эффективно критиковать науку, научную методологию и догматический слепой сциентизм. К сожалению, большинство антисциентических сообществ категорически слабы в своих критических заходах. Те же креационисты в общей массе используют совершенно бессмысленные аргументы, которые никак не задевают науку и её убеждения. Данная книга написана в том числе с целью привести все критические подходы антисциентистов в строгую систему и улучшить качество критики на массовом

уровне.

Подчеркнем важную для меня терминологическую проблему. Как я обычно указываю, разделение атеизма на два термина является очень неудобным, потому что в таком случае мы получаем ситуацию, при которой есть некий общий атеизм (отсутствие веры) и частный атеизм (убеждение в отсутствии Бога), которые обозначаются одинаковыми словами, и при этом один атеизм является подгруппой другого. Но не то же самое ли происходит с "антисциентизмом"? Есть антисциентизм как отрицание науки (по типу религиозного фундаментализма, в рамках которого всё, что делает наука, может быть представлено как заведомо ложное), а есть антисциентизм как противостояние сциентизму и критика науки (критика далеко не всегда подразумевает отрицание). Я не являюсь отрицателем науки. Я с большим уважением отношусь к научному проекту (как бы мы его не понимали), потому что он один из самых основательных, которые были предприняты человечеством за всю его историю. Но я являюсь антисциентистом не потому, что хочу разрушить этот проект, а потому что хочу, чтобы и другие проекты дотягивали по уровню качества до научного. Сциентист фиксирует лидерство науки и создает из науки идол, который невозможно превзойти, догнать и даже подобраться к нему близко по уровню качества. Я же не вижу серьезных преград, которые могли бы возникнуть на этом пути. Мне не верится, что только научный проект может быть настолько успешным в

вопросах исследования. Я сомневаюсь в науке, но не отрицаю её. Я вижу возможность изостении, то есть уравнивания науки и других учений. Отрицатель науки и сциентист придерживаются крайних позиций, которые зачастую довольно трудно отстоять. И, действительно, довольно нехорошо, что моя позиция смешивается с позицией некоторых радикалов, к которым ни я, ни моя философия отношения не имеем. Если вы считаете, что антисциентист – это только отрицатель науки, то я таковым не являюсь, следовательно, я не антисциентист. Если вы считаете, что антисциентистом может быть человек, который лишь сомневается в науке, то тогда я антисциентист.

Перед аргументами, критикующими науку как таковую и разные подходы к ней, сначала будет несколько важных глав, которые обосновывают необходимость всего этого предприятия. В них будет описываться значение и влияние науки на общество и интеллектуальную среду. Таким образом формулируется проблема, с которой мы будем иметь дело.

Пять групп определений науки и соответствие научных дисциплин этим определениям

Введение в проблему

При анализе науки многие философы науки допускают ряд ошибок. Главная из них и самая грубая - это научная ангажированность и стремление описать науку так, чтобы ее оправдать и защитить от нападок. Вторая ошибка - ложный историзм, то есть восприятие развития понимания о науке самой по себе через развитие понимания науки среди философов, как будто ученые приняли философию науки или хотя бы читали основные труды. Следующая ошибка - авторитет того или иного автора, который затмевает действительные тенденции в сообществе ученых и подменяет их авторским концептуальным аппаратом. Также многие рассуждают о науке чисто теоретически в рамках некоторых общих идеалов, которые, как мы знаем, часто не соблюдаются учеными. Эти ошибки порождают плоские представления о том, чем является наука и о сознании среднего ученого. Эти ошибки часто перемешиваются и порождают неполные представления о науке, притом все эти ошибки часто совершаются не только обывателями, но и философами науки в частности.

Начнем с первого и самого главного определения, которое задаёт нам проблему для данной статьи. *Наука — это ничто*. Её не существует. Это не предмет и даже не группа предметов. Чисто абстрактная сущность, о значении которой люди не смогли заблаговременно договориться, а пото-

му имеется множество споров об определении науки, научности и демаркации научного знания от всех прочих его типов. Люди не смогли договориться о значении многих слов, так что *наука* — не исключение. У нас есть более проблемные определения на подобии: философии, культуры, религии — они тоже представляют собой некое абстрактное ничто с неопределенным содержательным объемом. Спорить об определениях этих слов по википедии или прочим словарям и энциклопедиям — бессмысленно, потому что не существует устоявшихся значений, которые бы разделяли все *специалисты*.

В случае с наукой *специалистами* в её определении являются именно философы науки, потому что сами ученые не занимаются проблемой общей научной методологии и не могут в рамках своих дисциплин исследовать собственные методы. Физику или биологу не место в теории познания, а также им не приходится профессионально рассуждать о сущности науки как таковой, а потому зачастую сами ученые не понимают всю глубину данной проблематики и дают крайне поверхностные объяснения того, что такое наука, не имея представления о том, что творится в других дисциплинах. Помимо философов науки данную проблему также может исследовать социология знания, которая опирается на ряд философских подходов, и которую я ввиду своей специализации разбирать здесь не буду.

Демаркация — это отделение научного знания от ненауч-

ного посредством тех или иных критериев, которые мы будем разбирать в разных определениях. Все эти определения в своем основании содержат тот или иной критерий демаркации науки от ненауки (что принципиально и свойственно любым определениям: отделение одного от другого).

В данной главе я попытаюсь дать основные определения науки и показать, как они позволяют проводить демаркационную линию между разными дисциплинами. Если проще, то я буду давать вам определения и иллюстративно показывать их последствия, то есть обозначать, что согласно этому определению является наукой, а что не является. И в этом заключается весь нюанс: согласно тому или иному определению гуманитарные науки всем скопом либо оказываются науками, либо перестают ими быть.

Также важно подчеркнуть, что *определения вечны*. То есть если мы даём то или иное определение науки, то оно распространяется на неограниченное время в прошлое и будущее. Либо мы имеем дело просто с разными определениями. Конечно, исторически наше понимание тех или иных слов менялось, но из этого следует, что менялась не столько «наука», сколько её определения. В разные эпохи и в разных учениях люди понимали и понимают под наукой разные вещи. То есть далеко не всегда словосочетания «античная наука» и «современная наука» обозначают части одного и того же процесса развития, разделённого лишь во времени. Согласно некоторым определениям никакой античной науки не бы-

ло и быть не могло, потому что, например, тогда ещё не появился научный метод (один из возможных демаркаторов).

Комплексы научных дисциплин и науки разных эпох и культур

Для начала давайте соберем данные о том, что люди называют наукой и в каком смысле, чтобы потом распределять их по определениям. Есть несколько важных тенденций, с которыми мы встречаемся в академической литературе (обыденную мы даже разбирать не будем). Первая тенденция — это разбиение наук на разные комплексы по двум принципам: предмет и методы исследования. Иногда науки делят просто на технические и гуманитарные, что представляется мне гиперупрощением, недостойным разбора. Куда более серьезный подход подразумевает как минимум пять групп «наук». Также нередко речь идет о науках разных эпох от древности до наших дней. И существуют представления о науках разных культур, которые мы встречаем в востоковедческой литературе. Объем того, что называется наукой, оказывается крайне велик, а потому трудно подобрать определение, которое бы описывало все эти дисциплины и не добавляло к списку наук всевозможные магические, мистические и прочие подходы, которые конвенционально не являются научными.

Комплексы современных научных дисциплин:

Естественные науки. Изучают природу на разных уровнях. Опираются на естественную установку. Теоретические естественные науки используют в качестве основного критерия проверки своих теорий фальсифицируемость, то есть опровержимость, которая чаще всего заключается в опровергающем эксперименте. Претендуют на изучение объектов реального мира.

Точные науки. Изучают/создают формальные системы и формируют методы, которые можно использовать в других дисциплинах. Не опираются на естественную установку. Не изучают объекты реального мира. Не формируют теорий.

Научная теория — это объяснение аспекта мира *природы*. Из этого определения и того факта, что точные науки не исследуют природу как таковую, следует, что точные науки не формулируют научных теорий. В контексте точных наук слово теория используется в другом смысле, как и во всех прочих контекстах.

Гуманитарные науки. В качестве основного метода используют герменевтику, которая позволяет трактовать тексты и явления, созданные человеком. Для гуманитарных наук главной целью является понимание, а не составление теории о чём-либо (знание). Не усматривают законы и закономерности. Не фальсифицируемы. Не претендуют на изучение объектов реального мира, но исследуют культуры, ре-

лигии и продукты творческой человеческой деятельности. Из списка гуманитарных наук следует вынести философию, потому что существуют такие области философии (притом, они основные), которые не пользуются герменевтическим методом и не имеют привязки к гуманитарным предметам исследования.

Философию как науку мы здесь вообще разбирать не будем. На неё в любом случае следует закрыть глаза, потому что, если мы считаем философию наукой, то нам придётся расширить определение научности до практически безграничных пределов. Философия представляет сложность в классификации из-за отсутствия точной методологии и единого предмета, а также само это слово является слишком многозначным, что усложнило бы наши исследования в десятки раз, а мы и без того в таком сложном вопросе не нуждаемся в усложнениях.

Технические науки. Носят прикладной характер и существуют для применения на практике. Естественные науки в чистом виде, как и гуманитарные и общественные стремятся в первую очередь к познанию, а технические науки к эффективности и практичности. Не создают теории. Разрабатывают технологии, которые на уровне проекта могут проверяться с помощью метода моделирования.

Общественные науки. Слабое место данного деления — это общественные науки, потому что они собирают достаточно большое множество разнородных дисциплин, которые

прямо или косвенно связаны с обществом, но при этом используют крайне разную методологию. Например, история и социология имеют в своем начале радикально разные принципы.

Следует заметить, что данное разделение имеет ряд слабостей, потому что местами является не до конца последовательным. У нас есть технические науки и прикладные науки внутри тех же естественных, которые имею методологическую схожесть. А вот теоретические науки базируются на методе составления и опровержения теорий в рамках естественной установки. Мне видится, что деление должно быть куда более обширным и более акцентированным на методологии, а не на предмете исследования. Сам факт того, что прикладные и фундаментальные науки исследуют «природу», не исключает того, что исследования проводятся принципиально разными методами и с разными целями. Гуманитарные науки в таком случае тоже смогли бы стать естественными, если бы направили свою герменевтическую методологию на понимание природы: герменевтика камня, герменевтика Луны, герменевтика Солнца и так далее. Предметность в данном случае, как мне видится, мало что значит, потому что, как мы знаем, и естественнонаучные методы можно направить на гуманитарные проблемы, так и гуманитарные и общественные методы можно направить на природу и формы взаимодействия с ней.

Европейская наука по эпохам:

Античная наука: Под античной наукой нередко понимается рациональность, которая продвигалась в ряде философских школ, а также исследование фактов природы.

Средневековая наука: Под средневековой наукой понимается структура знаний, которая распространялась в Университетах. Прежде всего мы сталкиваемся со схоластической рациональностью, развитием математики и медициной, а также юридической наукой. В эту эпоху начинают формироваться методологические предпосылки для становления будущей науки в прямом смысле этого слова.

Наука эпохи Возрождения: Характеризуется возрождением античного наследия, а также первыми уверенными шагами в становлении как естественных (Винчи), так и гуманитарных дисциплин.

Наука Нового времени: Здесь всё ещё наблюдается некая проблема в определении науки, потому что учеными могут считаться даже философы. Сами ученые на начальном этапе продолжают видеть себя натурфилософами и занимаются очень сложной и смешанной деятельностью в разных областях знания и религии.

Наука в других культурах:

Индийская наука: Под индийской наукой понимают

прежде всего индийскую фактологию в разных областях и разработки в области математики.

Китайская наука: Под китайской наукой понимают прежде всего китайскую практику, которая во многих направлениях опережала весь мир. Также некоторые математические наработки можно назвать этим словом.

Исламская наука: Под исламской наукой также чаще всего понимается практика алхимии, астрономии/астрологии и медицины, а также наработки математического характера.

Доисторическая наука: О чём-то похожем можно говорить только в практическом смысле.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Физикализм. Физикализм подразумевает, что все науки следует сравнивать с физикой, чтобы признать их науками. Одним из главных критериев, конечно, является использование математики как основного метода. Также акцент делается на естественную установку.

Науки: Физика, биология, химия…

Не науки: гуманитарные, общественные, точные и технические науки. Науки разных эпох и культур согласно этому определению также науками не являются.

Впрочем, с техническими науками можно поспорить. Они хоть и не похожи на физику методологически, но часто используют результаты деятельности данной дисциплины.

Плюсы: Есть достаточно очевидный эталон, с которым можно сравнивать другие дисциплины. В список наук никак не могут попасть магические и метафизические дисциплины.

Минусы: Другие «науки» мало похожи на физику и в значительно меньшей степени используют математический аппарат, а все науки, кроме естественных, не базируются на естественной установке. Определение оказывается крайне узким. Не совсем понятен критерий, так как схожести с физикой недостаточно, чтобы точно отделить науку от не науки. Вот технические науки — это науки? Не совсем понятно, какой критерий сравнения, если мы работаем с чистым физикализмом и нам придётся его прояснять в других подходах.

Математическое определение. Чем больше в науке математики, тем больше она наука.

Науки: Математика, физика, логика, химия, экономика, социология, технические науки в общей массе, астрология, нумерология, платонизм, неопифагореизм, пифагореизм.

Науки в меньшей степени: медицина, биология, геология, география.

Не науки: Гуманитарные науки, история, психология.

Плюсы: Есть четкий критерий отличия научного знания

от ненаучного.

Минусы: Критерий предельно плохой, потому что в список наук смогли просочиться мистические дисциплины. Более того, многие исследовательские дисциплины можно сразу выписать из списка наук, потому что они либо не используют, либо мало используют математику. Также не вполне понятно, почему именно математика должна быть центральным критерием разграничения, ибо она универсальна для многих направлений мысли и мало что разграничивает в современном смысле этого слова.

Как минимум, здесь было бы неплохо совместить математику с *естественной установкой*, что позволило бы сразу убрать мистические дисциплины, платонизм и пифагорейство. Впрочем, это не решает проблему иерархизации наук, в которых та же биология оказывается ниже физики, социологии и экономики.

Верификационизм. Верификация — предполагает использование протокольных предложений в качестве основных. Истинность протокольных предложений несомненна, ибо соотносится с наблюдаемой действительностью. Деятельность ученого состоит в том, чтобы из опыта формулировать протокольные предложения, а после обобщать их.

Науки: В чистом виде науками можно назвать разного рода фактологические дисциплины по типу анатомии, археологии, ботаники и так далее.

Не науки: Физику, фундаментальную биологию и про-

чие теоретические науки невозможно считать науками, потому что наблюдается большой пробел между фиксирующими факты предложениями и реально существующими научными теориями, которые, строго говоря, не выводятся из наблюдаемых фактов логическим путём, а составляются по принципу непротиворечия этим фактам, выходя при этом далеко за их пределы.

Плюсы: Есть очевидный и понятный критерий.

Минусы: Этот критерий фактически не соблюдается даже физиками и представителями прочих естественных наук, которые невозможно лишить научного статуса ни при каких условиях (по историческим причинам). Строгий принцип верификации может быть основанием для создания нового философского исследовательского учения, но это учение будет радикально отличаться от современной естественной науки. Критерий слишком сложный и требует огромного количества стараний, а также не подразумевает предсказательности.

Под *научным предсказанием* понимается не предсказание уже увиденных явлений, а предсказание таких явлений, которые ещё не открыты. Хорошая теория претендует на то, что может предсказать грядущие открытия, следовательно, она не является следствием логического объединения протокольных предложений и всегда содержит в себе элемент научного творчества.

Фальсификационизм. В основании фальсификацио-

низма лежит принцип опровергаемости теории. Для того, чтобы назвать нечто наукой, необходимо, чтобы: 1. дисциплина формулировала теории; 2. Эти теории были эмпирически опровержимы; 3. Можно добавить и соблюдение естественной установки, чтобы сразу разобраться с возможными мистическими подходами к фальсификации с помощью духовного опыта и так далее.

Науки: Строго говоря, научные теории создаются только теоретическими естественными науками. Остальные дисциплины не создают теории (в прямом выше обозначенном смысле) и не фальсифицируют их. Впрочем, если мы не будем соблюдать естественную установку, то в число наук смогут попасть разные философские и мистическо-религиозные направления, сумевшие предложить для своих теорий фальсификаторы.

Не науки: Точные, технические, практические, прикладные, гуманитарные и общественные науки.

Плюсы: Критерий достаточно простой в применении и не такой громоздкий, как верификационизм. Также он используется в естественных теоретических науках. Фальсификационизм позволяет создавать теории, которые выходят далеко за пределы имеющих фактов, и, следовательно, совершать *научное предсказание*.

Минусы: Фальсификационизм лишает научного статуса огромное количество дисциплин, основная цель которых не составление теорий и их опровержение, а, например, прак-

тика. Многие могут обратить внимание на то, что нет абсолютного способа опровергнуть теорию, но кто вообще сказал, что наука должна быть эффективна и должна содержать в себе самые лучшие методы?

Примечание: Ввиду того, что большинство сциентистов, которых я встречал, являются фальсификационистами с разной степенью строгости, то под наукой я понимаю именно это определение и добавляю к нему естественную установку. Мне думается, что нет ничего плохого в том, что мы не будем называть науками гуманитарные дисциплины, практические, прикладные, общественные и так далее. Зато на базе такого понимания у нас появляются конкретные представления о разбираемом предмете. В случае других определений совсем не понятно, с чем мы имеем дело, или же оказывается, как в ситуации верификационизма, что это мало соотносится с тем, что мы называли наукой исторически. Фальсификационизм вполне умещается в наши исторические представления о работах Галилея, Ньютона, Эйнштейна, Резерфорда, а также в современности используется в естественных науках. Мне видится, что это наиболее рабочее, исторически обоснованное и точное определение науки в значении «the science». Впрочем, в ряде стран Европы и русскоговорящем мире слово «наука» изначально имело более широкий спектр значений. В чем, кстати, и заключается еще одна сложность определения, ведь в англоговорящем мире под наукой («the science») изначально понимали более узкий

спектр дисциплин и, что важно, философия науки, прежде всего, пытается работать с «the science».

Рационализм. Есть несколько подходов, которые включают науку в рационализм. Разберём два крайних по отношению друг к другу. Первый подход заключается в том, что наука — это одно из рационалистических течений, коих в мире было некоторое количество. Второй же говорит, что наука и есть сама по себе рациональность. То, что было рационально в ту или иную эпоху, является наукой, а то, что не было, то и не является.

Науки: Зависит от эпохи. Например, античная философия и даже магия были науками в древности, но с нахождением всевозможных фактов теряли этот статус. Средневековые науки, включая теологию, представляли собой сосредоточение рационализма своего времени, а потому тогда они являлись науками. Соответственно, в современности науками являются все науки, которые таковыми считаются.

Не науки: в наши дни — это магия, астрология, философия (?). Относительно философии сциентисты, озвучивающие такую позицию, часто говорят, что многие философские проблемы уже решены и никакая философия нам не нужна, ибо она нерациональна относительно современного положения дел в науке.

Плюсы: Позволяет с точки зрения абстрактного рационалистического метода ввести в перечень наук все дисциплины, которые мы называем научными как в настоящем,

так и в далёком прошлом. С помощью такого подхода можно обосновать такие словосочетания как «античная наука», «восточная наука», «средневековая наука».

Минусы: Необходимо игнорировать десятки рационалистических философских школ и рациональные подходы к доказательству разных религий. Безосновательная монополизация рационализма наукой строится на непонимании философских оснований этого направления. Данный подход исходит из принципа, «что научно, то и рационально», а уже потом выводится «что рационально, то и научно». Если бы мы начинали сразу со второго принципа, то получалось бы, что рациональная теология, некоторые формы креационизма, рациональный подход к магии и рационализм в философии — тоже наука.

Наука как то, что использует лучше методы в рамках своего предметного поля. Наука — это по определению самое хорошее, что смогло создать человечество. Самые лучшие методы в исследовании истории — это наука. Самые лучшие методы в исследовании физики — это наука. И по счастливому совпадению лучшими методами являются именно те, которые мы используем сейчас и, конечно, мы не могли ошибиться и выбрать не самые лучшие методы.

Науки: Естественные, точные, гуманитарные, общественные, практические.

Не науки: Конвенциальные не науки по типу магии, астрологии и так далее.

Плюсы: Легко уместить в это определение все конвенциальные науки.

Минусы: Базируется на непонятной категории «лучшего». Носит на себе отпечаток субъективной оценки, а также эмоциональную привязанность к науке как таковой. Наука — это то, что в области методологии действует по принципу «за всё хорошее и против всего плохого». Допустим, но тогда что же она такое? Как конкретно отличить науку от не науки? Как понять, что тот или иной метод является научным, пока он не продемонстрировал нам свою эффективность? А ведь эффективность он может продемонстрировать только при работе многих специалистов с помощью этого метода. Следовательно, пока многие специалисты к «лучшему» методу не будут привлечены, мы так и не узнаем, что он лучший. Это позволяет нам сомневаться в том, что современная наука (то, что мы называем таким словосочетанием) использует лучшие методы из существующих. Вероятно, она не является наукой согласно этому определению? Или мы искренне верим в том, что современная наука располагает всеми лучшими методами из открытых?

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Некоторое количество исследователей и людей, интересу-

ющих данной проблемой, смещают акцент с теории на практику. Мне такой подход видится исторически несправедливым, так как практика существовала задолго до появления всех форм научного метода. Она коррелировала с магией, астрологией, философией, религией, алхимией и многими другими вещами, которые мы конвенциально не хотим называть научными.

Наука как практика. Самый грубый заход в этой тенденции — это приравнивание науки ко всякой практике. Изобретение колеса — наука; металлургия — наука; создание химических смесей — наука; создание бумаги — наука.

Науки: Технические науки — главные науки, а все остальные — только в меру того, как они способствуют развитию практики. Некоторые области физики, биологии, математики, социологии, экономики, психологии. Здесь допустимо говорить о том, что астрология в некоторое степени практична (как некая психология) и как область, мотивирующая астрономию, а также практичны религии и разные философские течения, так как позволяют выживать, а иногда даже конструировать те или иные устройства. Согласно этому определению мы можем говорить о науке в любые периоды и в любых культурах.

Не науки: Гуманитарные науки, большая часть общественных, некоторые области физики, биологии, социологии и так далее.

Плюсы: Популизм, который привлекает к феномену нау-

ки большое внимание. Исходя из такого определения, легко обосновывать преимущества науки над другими направлениями, если аргументировать к обывателю, которому нравится технический прогресс.

Минусы: Практическое определение науки имеет множество парадоксов. Например, многие традиционные сферы исследования в рамках фундаментальных наук, которые «пока еще не дают практики», оказываются ненаучными по своей сути и, возможно, они никогда не смогут обогнать менее традиционные сферы исследования. Более того, непонятно, зачем вообще отождествлять практику с наукой, потому что практика существовала задолго до всякого научного метода и даже до рационализма. Более того, у нас уже есть слово «практика» или «технология». Нет смысла объяснять одно общее и абстрактное слово через другое не менее общее и не менее абстрактное, особенно в контексте полного приравнивания.

Наука как то, что производит практику. В рамках этого определения подразумевается, что теоретические науки могут производить практику. И если они производят практику, то они являются науками, а если не производят, то, соответственно, нет.

Науки: Технические науки; теоретические науки, производящие теории с практическими следствиями (то есть естественные науки, да и то не все), алхимия, астрология-астрономия.

Не науки: Гуманитарные и многие общественные. Естественные науки, не имеющие практического применения.

Плюсы: Более утончённый подход, чем предыдущий. Позволяет записать теоретические науки в список наук, хоть и не все и с некоторой натяжкой.

Минусы: В рамках данного определения подразумевается, что наука и только наука может влиять на практику, но чисто фактически это не так. Мы сталкиваемся с зацикленным определением, когда мы задним числом определяем науку через практические следствия в будущем. Под практическими следствиями мы понимаем, что теории повезло объяснить некоторые будущие практики до того, как они возникли. Данное определение не изолирует из науки всяческие мистические направления, а потому мы можем сказать, что алхимия и астрология — науки, чего нам, конечно, не хочется.

Примечание: по поводу соотношения науки и практики, теории и технологии я написал работу «Философия практики». В этой небольшой книге изложена моя позиция по данному вопросу. Обращу внимание на то, что я в целом не верю в происхождение практических следствий напрямую из теорий. Мне видится, что этот аспект взаимодействия необходимо доказывать, потому что долгое время он утверждался практически безапелляционно.

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Наука как сообщество, называемое научным или как некоторая социальная группа, объединенная в рамках лабораторий и университетов исследовательской деятельностью. Согласно такому определению для того, чтобы направление стало наукой, оно должно преподаваться в университетах или располагаться в специальных институтах и помещениях (например, лабораториях). Также должны присутствовать конкретные социальные связи между специалистами, которые формируют эту науку. Важным аспектом научности будет совершение конкретных научных ритуалов (действий), которые отличают ученого от неученого. Например, написание статей в рецензируемые научные журналы или посещение научных конференций.

Науки: Все существующие академические дисциплины, включая теологию и философию. В принципе, астрология, таро, магия, алхимия рано или поздно тоже могут быть включены в академические учреждения и, как следствие, стать науками.

Не науки: Те дисциплины, которые не находятся на базе научного социального института. Но они могут в нём оказаться.

Плюсы: Легко описывает любые академические дисци-

плины. Более того, наука как минимум является некоторым сообществом, с чем сложно спорить.

Минусы: Слишком широкое и недостаточное. Наука как сообщество людей, занимающихся наукой, — тривиальное определение. Оно не открывает нам содержание научной сущности от слова совсем. Просто создаем университет или кафедру, а на кафедре пишем работы, обучаем людей, исследуем что-то, выписывая монографии и статьи — это и есть наука. Если следовать такому определению, то можно себе представить, что появится наука по созданию «ежипалки» с целой кафедрой и многочисленными диссертациями. Поэтому данное определение работает плохо.

ПРЕДМЕТНАЯ ГРУППА ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Мы можем сказать, что наука — это уже существующие сформировавшие области исследования, которые занимаются изучением своих предметов. Например, биология изучает жизнь, а физика — природу. Многие даже отметят, что в физике, которая ранее была натурфилософией, ввиду накопившихся фактов не осталось никаких альтернатив. Натурфилософия с древности по Новое время была наукой, но потом все эти дискурсы были опровергнуты другими специалистами в данной области.

Плюсы: Захватывает своим описанием все существующие предметные дисциплины.

Минусы: У нас существует креационизм, который часто касается биологических вопросов. Согласно данному определению креационисты — это ученые, занимающиеся исследованиями и обсуждениями биологии.

Примечание: как мне видится, тотальная монополия научной методологии в разных дисциплинах по типу физики, биологии, химии — это результат не заслуженных результатов и эффективнейших доказательств со стороны научного метода, но историческая случайность, обусловленная рядом сложнейших факторов, среди которых наличие доказательств и результатов не были доминирующими. На данный момент, конечно, с некоторыми оговорками можно сказать, что наука определяется по предмету, а всевозможные креационисты и философы не дают результатов и не располагают данными, а потому не могут считаться заслуженными представителями той или иной области. Я же здесь отвечу, что главная причина отсутствия результатов и недостатка данных у «неученых» в обозначенных предметах — это их незначительное количество и отсутствие единой образовательной структуры (которую ученые, кстати, переняли у христиан). Наука стоит на плечах большой образовательной иерархии, которую и возглавляет. В основании иерархии находятся научно ориентированные школы, выше — заведения среднего образования, а ещё выше — высшего. Это поз-

воляет проводить длительный и основательный отбор специалистов на роль ученых из, буквально, почти всей популяции людей. У нас не было исторических прецедентов, чтобы популяция разумных существ так размножилась, с одной стороны, и одновременно с этим была включена в единую систему образования, где превозносится «наука». Я абсолютно уверен, что в деле практических открытий, интерпретации фактов, создании и сборе аргументов важную роль имеют два параметра: масштаб происходящего и его системность. И мы не можем сравнивать результаты современных биологов-ученых и креационистов, потому что первые стоят на плечах всей образовательной системы, а вторые — представители разных направлений и ответвлений религии, которые имеют плохую организацию и малое количество людей. Если человек в школе последовательно и долго изучает разные науки, включая биологию, то к креационизму он чаще всего приходит достаточно спонтанно. У нас в современности не существует ни одной философской или религиозной системы, которая могла бы по масштабу и системности (я про социальную системность) сравниться с наукой, а потому нет никакого смысла требовать от них таких же результатов.

НАУКА КАК ЗНАНИЕ

Следующий подход заключается в том, чтобы определить науку как некоторую разновидность знания, у которого существует ряд свойств. Впрочем, мы можем отказываться от этих свойств, чтобы расширять определения науки. Сейчас я попробую перечислить ряд свойств науки как знания, которые иногда звучат из уст сциентистов: объективное, систематическое, проверяемое, повторимое, обладающее предсказательной силой и практичное. В общем, определение науки как знания мы можем собрать из выше описанных характеристик, перемешивая их в удобных для нас комбинациях. Мы можем сказать, что научное знание является объективным, а можем и не сказать. Мы можем подчеркнуть, что научное знание обладает предсказательной силой, а можем выступать в роли историков, которые толком не делают научных предсказаний и отказаться от данного свойства.

Объективность. Слово объективность может употребляться в двух гносеологических смыслах: 1. Независимо от субъекта; 2. Реально, то есть соответствует объекту. В первом случае слово «объективность» нередко ничего не стоит, потому что, например, представления о Боге или макаронном монстре тоже существуют вне зависимости от единичного субъекта, впрочем, такие понятия принято называть интерсубъективными, то есть принадлежащими ко мнению и сознаниям многих. В итоге окажется, что науку бесспорно можно назвать объективной только в том смысле, что отдельный человек не может повлиять на её методы и интерпрета-

ции, но тут важно подчеркнуть, что наука преимущественно интерсубъективна, потому что представляет собой большую группу людей, применяющих некоторые методологические приёмы к описанию феноменов и вплетению их в теории. Это всё вполне зависит от данной группы субъектов.

В более строгом смысле объективность как достижение истинных представлений о том или ином объекте — это крайне сомнительная вещь. Если то, что объективно, то и наука, может оказаться, что какой-нибудь медитирующий мистик под грибами увидел истину о предмете и, следовательно, он учёный, а исследователь, проводящий десятки лет за использованием научной методологии — нет. Более того, принципиально не понятно, как отличить истинные представления о предмете от ложных, а потому рассуждать об этом здесь не имеет особого смысла.

Систематичность. Систематичность является достаточно плохим критерием для отличия науки от философии или религии, потому что многим религиям и философиям свойственно проводить всевозможные классификации. Вы скажете, что научные классификации самые полные и лучшие в мире, а я вам отвечу: дайте всем представителям всех религиозных и философских учений такое же количество высокоспециализированных людей (прошедших через все круги ада образования), и вы, вероятно, получите сравнимый уровень системности в рамках каждого из них. Более того, некоторые философские и религиозные подходы в большей

степени предрасполагают к классифицированию и составлению систем, что, конечно, при количественно равном множестве специалистов могло бы привести к тому, что эти системы обогнали бы научные по сложности.

Проверяемость. Под проверяемостью чаще всего подразумевается верификация, но, как мы уже выяснили, многие фундаментальные научные знания являются в прямом смысле неверифицируемыми. Многие положения теоретической науки выдумываются в контексте имеющихся фактов, а после именно опровергаются в экспериментах. Если эксперимент опровергает теорию, то она в своей настоящей формулировке должна быть изъята из дискурса, а если не опровергает, то это лишь значит, что теория не опровергнута, но не проверена. И таких непроверенных и принципиально непроверяемых на данный момент положений в естественной науке существует очень много.

Повторяемость. Научный эксперимент должен быть полностью воспроизводимым. Впрочем, повторяемость не применить к теориям и многим другим аспектам науки, а потому данный параметр не может служить серьезным демаркатором научного знания от ненаучного. Научная теория, например, неповторяема (в смысле она не является опытом, который можно провести много раз), а эффекты, которые достигаются христианской молитвой — повторяемы. Из этого следует, что теоретик не ученый, а молящийся христианин — да? Нет, не следует. Повторяемость — это свойство экс-

перимента (и некоторых других эмпирических методов), но его же можно распространить далеко за пределы всякой науки, а потому определять через него науку довольно трудно.

Предсказательная сила. Повторим, что в научном дискурсе под предсказательной силой понимается возможность теории предсказывать будущие открытия и до сих пор неведомые факты. Свойство, конечно, хорошее для теории, но уже сейчас можно вообразить себе миллион теорий, которые будут справляться с предсказаниями не хуже теории эволюции, к примеру. Важно лишь учесть многие системообразующие для СТЭ вещи, а после перетрактовать всевозможные теоретические аспекты. Наиболее уязвимой частью здесь будут, конечно, представления об естественном отборе. Таким образом, мы можем заменить естественный отбор разными мистическими силами и при этом сохранить предсказательную ценность. То есть мы вполне можем нарушить естественную установку и сохранить данное свойство.

Практичность. Это свойство тоже нас несколько озадачивает, потому что многие теории, когда они формулировались, точно не были ни в каком смысле практичны. Многие теории, которые существуют сейчас, являются непрактичными. Извлечём ли мы из них практику? Честно говоря, это довольно спорно. Лишать ли их за это статуса науки? Хороший вопрос.

Следует заметить, что большинство этих критериев не подходят к гуманитарным и многим общественным наукам,

которые не являются практичными. Некоторые из критериев применяются исключительно к теориям, а некоторые к эксперименту. Мы обсудили разные сложности, возникающие с данными подходами. Определение науки как некой особенной разновидности знания не прояснено, а с разными критериями могут встречаться всевозможные проблемы даже при их взаимном смешении.

НАУКА КАК ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Часто люди сводят представление о науке к поиску тех или иных закономерностей, что мне кажется принципиально недостаточным. На языке скептиков можно описать закономерность, как корреляцию феноменов. Если наука занимается прежде всего поиском корреляции феноменов (а другие области по типу философии, религии, сект и лженауки, видимо, эти не занимаются, что уже кажется бредовым, либо же все это тоже науки), то исходя из научных данных мы не можем делать вывод об истинности любой научной теории, включая теорию эволюции, теорию большого взрыва, стандартную модель, теорию относительности и так далее. Тогда не совсем понятно, почему эти теориям уделяется такое большое внимание в науке, если мы могли бы просто сконцентрироваться на поиске закономерностей и не объяснять

их, раз уж наука занимается прежде всего поиском закономерностей, и уже потом, может быть, если ученым захочется, объяснением.

Для меня этот подход определения науки является неудовлетворительным, потому что:

1. Поиском корреляции феноменов занимаются буквально все люди, включая обывателей, магов, философов и так далее. Разница между этими группами часто заключается в интерпретации феноменов и, конечно, в масштабе и систематичности сбора. Наука - единственная современная познавательная инстанция, которая может выделать огромное количество ресурсов на сбор корреляций, хотя до возникновения науки люди тоже собирали данные, классифицировали их, создавали на этой основе практику. Если же вы скажете, что эти люди тоже занимались наукой, то ответ тут простой: тогда наука пронизывает магию, религию, философию и любое ремесло, а потому все люди, кроме, разве что, умственно отсталых, ученые.

2. Из корреляции феноменов, то есть из поиска феноменальных закономерностей, нельзя сделать однозначный и надежный вывод о том, как реально устроен изучаемый нами объект (здесь много философских причин, читайте "Сумму Антисциентизма" дальше), хотя на моей памяти большинство ученых считает, что существуют такие теории, которые полностью или частично объясняют нам тот или иной аспект реальности. Проще говоря, если мы определяем науку таким

образом, мы должны сказать, что наука не настаивает на истинности или приближенности к истине своих лучших теорий, например, теории эволюции. А теперь попробуйте найти биолога, который считает теорию эволюции ложной или сомнительной.

3. По всем известным мне опросам большинство философов науки, обычных людей и ученых являются научными реалистами, то есть они верят, что у нас существуют доказанные истинные научные теории. Но их, получается, доказала не наука, ведь наука занимается поиском закономерностей, а не доказательством теорий, если следовать за определением, делающим акцент на закономерностях? По каким причинам большая часть людей в мире, ученых и философов науки так глубоко заблуждаются о природе науки?

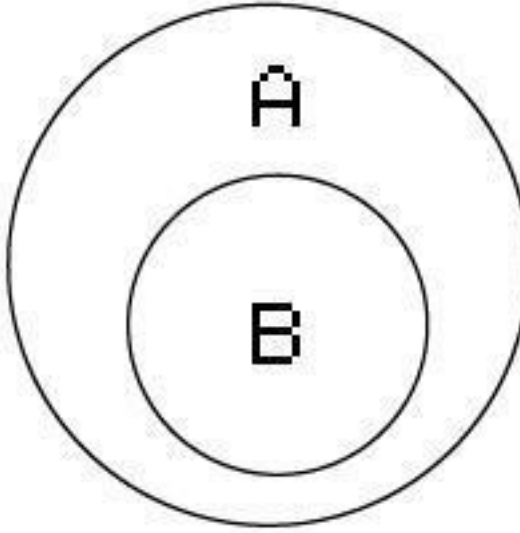
4. Есть куда более удачные подходы к определению науки (перечислены выше). Сведение науки к поиску закономерностей: 1. профанация; 2. удобная для сциентической обороны науки позиция, когда мы для защиты нашего религиозного догматического верования, то есть науки, уходим в глубокий абсолютный скептицизм и приписываем этот скептицизм науке, научному сообществу и всем результатам научной деятельности. В реальности же почти всегда оказывается, что этот скептицизм напускной. Он нужен только для одной цели: на время дискуссии сделать науку неуязвимой. После дискуссии сциентист, озвучивший это определение, возвращается к более привычным для него стратегиям понима-

ния науки (то есть к научному реализму, фальсификационизму, инструментализму или социальному подходу, а часто к некой уродливой смеси всех этих подходов).

Попытки совместить разные группы определений

Попытки совместить несколько определений сразу чаще всего не разрешают наши проблемы в определении науки, а только перенимают недостатки разных определений. Нередко проблема заключается в том, что отличие науки от ненауки определяется более узким критерием различия, если тот умещается во множество более широкого критерия. Например, если вы совмещаете фальсификационизм и социальное определение, то определять науки будет именно фальсификационизм.

В таком случае, соотношение понятий будет таким:

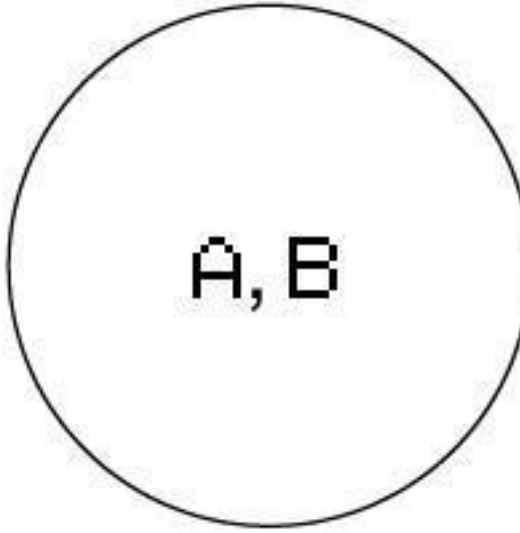


A — это социальное определение.
B — это фальсификационнистическое определение.

Таким образом получается, что наука полностью определяется через фальсификацию, а социальное определение будет излишним. Такое соотношение определений не решает выше обозначенных нами проблем. Фальсификация сохраняет свои негативные свойства, и мы не получаем никаких преимуществ от такого подхода. Также важно заметить, что

более общие определения всегда и без того включают в себя более частные. Например, предметные и социальные определения мы подразумеваем по умолчанию, но они сами по себе толком ничего не определяют, ибо являются слишком широкими.

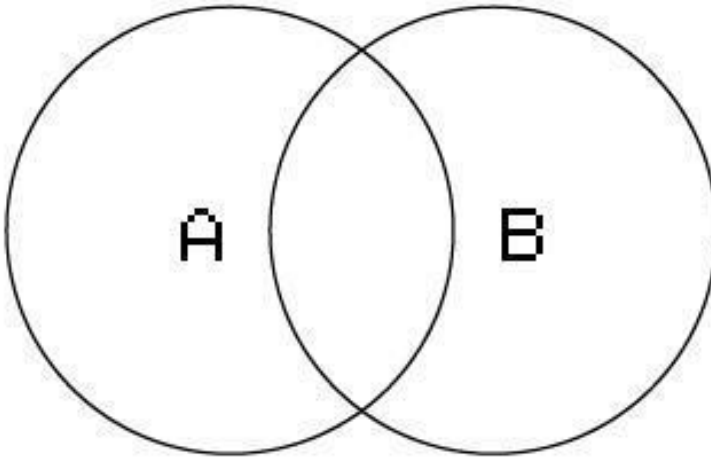
Можно предположить, что некоторые попытки совмещения разных определений будут **полностью совпадать**.



В данном примере А — это предметное определение, а В

— социальное. Они по большей части совпадают. Критика предметного определения остается неразрешимой в рамках социального, а потому это не имеет какого особого смысла. Более того, оба определения не имеют никаких проблем с тем, чтобы включать в себя методологически ненаучные вещи. Например, креационизм, изучающий предметно биологию, вполне может создать кафедру на том или ином факультете и быть наукой как с предметной точки зрения, так и с социологической.

У нас есть ещё одна доступная формация **«пересечение»**. В определении науки мы не можем использовать соподчинение, противоречие и противоположность по ряду причин. А вот пересечение является крайне важной формацией, которая может решить многие вопросы.



Выглядит пересечение так. Наукой будет считаться то, что находится на пересечении двух других определений. С помощью такого подхода можно в достаточной степени сузить понимание науки, чтобы оно, например, не включало всякую мистику и эзотерику. Но даже так крайне сложно подобрать такие свойства науки, которые бы позволяли считать наукой все перечисленные группы дисциплин: точные, естественные, гуманитарные, общественные и технические.

Так вот, наша первая задача с помощью пересечения изолировать всевозможные сверхъестественные подходы от науки. Самым простым и очевидным способом сделать это

является введение в определение науки естественной установки. К сожалению, естественная установка есть только в естественных науках на методологическом уровне. В других дисциплинах убеждение в естественной установке является необязательным. То есть мы могли бы сделать такое определение, в рамках которого наука — это социально-предметная область, подчиняющаяся правилам естественной установки (а ведь и другие области тоже могут ей подчиняться), но таким образом мы выбрасываем из науки не только возможную мистику, но и весь спектр неестественных дисциплин.

Можем попробовать совместить социально-предметное определение с рационалистическим, мол, наука — это рационалистическое сообщество, производящее конкретные научные действия (статьи, монографии, конференции, эксперименты и так далее). Иррационалистические мистические тенденции в таком случае выйдут за пределы данного определения, но что делать с томизмом, гегельянством, теистической аналитической и континентальной философией? Если речь идет про философов, так они вообще уже давно симулируют научную деятельность. Рационализма недостаточно для того, чтобы изолировать мистику, эзотерику и сверхъестественное из научной среды, если, конечно, мы не понимаем под рационализмом атеизм или умеренный скептицизм. Но такой подход был бы несправедлив по отношению к другим рационалистическим течениям. В рамках данного

уточнения можно попробовать ограничить социально-предметную науку с помощью атеизма и умеренного скептицизма, но тут мы сталкиваемся с некоторым нюансом: атеизм и умеренный скептицизм не являются частью методологии науки, а потому эти взгляды учеными разделяются спонтанно. Если ты не атеист или умеренный скептик, то ты и не учёный? Это так не работает, а если бы работало, то можно было бы закрыть те дисциплины, которые допускают теизм, а это все дисциплины, кроме естественных. Опять же получается, что мы вырезали почти всех людей, которых хотели бы считать учеными.

Так вот, определение науки, чтобы оно соответствовало нашему словоупотреблению, должно быть настолько утончённым, чтобы включать в себя все конвенционально принятые в академической среде дисциплины и исключать псевдонауку, лженауку, эзотерику, мистику и так далее. На моём опыте ни у кого не получилось этого сделать. Либо мистика и сверхъестественное становятся научными (или имеют потенциал таковыми стать), либо наука сужается до размеров естественных дисциплин. Задачей тех людей, которые хотят составить универсальное определение науки, является такой подбор параметров, которые смогут соответствовать данным требованиям. Но и такое определение будет скорее обусловлено тем, что мы спонтанно начали называть научным в рамках исторического развития. То есть мы в таком случае попытаемся подогнать определение под исто-

рически сложившееся словоупотребление. И, вероятно, конфликт между разными определениями не будет изжит даже в случае нахождения наиболее удачного подхода, в достаточной степени описывающего все академические науки.

Тривиальные определения науки

Я против тривиальных определений науки. Если определение делает науку всеобъемлющей и всепроникающей, то это для меня недостаточно хорошее определение. Верим мы не абстрактным ученым, а конкретным людям, у которых есть конкретные убеждения и которые производят конкретные практики, исходя из конкретных культурных, философских и эпистемических воззрений. Именно поэтому указание на то, что наука - это любая практика, любое исследование или любая рациональность - это серьезный шаг назад в дискуссии. Мы таким образом определяем не столько современных ученых и то направление, к которому они принадлежат, а чуть ли не целую рациональность саму по себе или практику.

В чем риторическая сущность данного приема? Для защиты современного научного сообщества и современных исследователей, определяющий делает шаг назад к общей рациональности, общей практике или общей социальной структуре, чтобы подкрепить авторитет современных уче-

ных, еще и философами, теологами, ремесленниками и прочими замечательными людьми прошлого. Отрицать их полезность и важность мало кто будет. Если жертва проглотит наживку, то ей придется согласиться, что наука - это здравый смысл. Но подмена здесь заключается в том, что мы подставляем вместо современного ученого в узком смысле этого слова - саму по себе ученость, начитанность, рациональность, практичность, но, очевидно, что ученые не являются всерационаьными, всепрактичными и так далее.

Также тривилизация науки идет по пути ослабления её основных амбиций в области познания. Это тоже плохой ход, особенно если учитывать, что большинство людей в мире, большинство философов науки (72%) и большинство ученых - научные реалисты. Проще говоря, если есть такой род занятий в науке, которым может заниматься абсолютный скептик (как, в принципе, и любой другой исследователь, независимый от современной науки), то его не следует считать достаточным основанием для того, чтобы называть что-то наукой. Например, скептик может заниматься моделированием, практикой, сбором и классификаций феноменального опыта, поиском корреляций феноменов и так далее. Впрочем, как и представитель любого мировоззрения. Сведение науки к этим характеристикам является тривилизацией, что не помогает нам понять её сущность, а лишь размывает границы.

Размытие границ, как я уже говорил выше, может быть

выгодно для сциентиской риторики, но это не позволит нам установить суть науки и определить её достаточно хорошо, чтобы это не вызвало пересечение науки с другими типами деятельности, которые мы в современности наукой на называем. Например, шаман африканского племени занимается наблюдениями за природой, а потом делает из этого далеко идущие выводы о духовной природе всего сущего. Если наука - это сбор данных (в том числе, с помощью наблюдений) и попытка делать из них выводы, то шаман, очевидно, занимается наукой. В этом и заключается проблема тривиальных определений. Если начать выводить из них следствия, то окажется, что либо все люди - ученые, либо все исследующие люди ученые, либо очень большая прослойка исследующих людей ученые (например, теологи, философы, астрологи). В таком случае наше определение не выполняет одну из важнейших своих функций, то есть отделение одного от другого.

Наука и позитивизм

Часто сциентизм сравнивают с позитивизмом, а современные ученые и популяризаторы науки обвиняются в позитивизме. У Огюста Конта, основателя позитивизма, «позитивное знание» понимается как знание, основанное исключительно на наблюдаемых фактах и установлении закономерных связей между явлениями, без обращения к метафи-

зическим сущностям, «первопричинам» или недоступным опыту объяснениям. Наука, по Конту, должна описывать *как* явления связаны и повторяются, а не *почему* они существуют. Наука должна изучать только то, что дано в опыте: факты, регулярности, измеримые процессы. Любые «сущности» вне опыта исключаются.

И тут мы видим радикальную проблему. Большинство современных ученых, философов науки и философов вообще (что следует из ряда опросов) верят в то, что науке с помощью её ТЕОРИЙ удалось узнать, как устроены те или иные сегменты реальности. Фундаментальные теории объясняют именно причины и выходят далеко за пределы феноменов и их закономерностей. Наука, если мы под наукой понимаем именно теоретическую деятельность, построена на создании объяснений. И если объяснение оказывается достаточно эффективным, то он даже может считаться истиной.

Как легко заметить, большая часть ученых, если верить материалам опросов, предпочитает базировать свое мировоззрение на идеях и образах, которые выходят далеко за пределы позитивного знания. А потому большинство этих ученых нельзя называть позитивистами. Например, Пинкера, Докинза, Панчина, Дробышевского и подавляющее большинство исследователей, которых вы знаете, невозможно считать позитивистами, потому что они буквально верят в то, что наука имеет не только прогностическую функцию, которая произрастает из сбора фактов и поиска их законо-

мерных связей, а может давать реальные объяснения, указывающие на то, как устроен мир. Это не позитивизм.

Более того, многие философы любят смотреть на науку через призму позитивизма, что можно использовать как в критическом, так и в оправдательном ключе. В критическом в качестве имени нарицательного, так как позитивисты кажутся примитивными и простыми в своих воззрениях, а большинство философских школ относятся к позитивистскому подходу с явным презрением. В оправдательном же можно говорить, что ученые не исследуют реальность как таковую, а лишь фиксируют факты и закономерности, не претендуя на что-то большее, что снимает с ученых и сциентистов необходимость оправдываться за истинность своих выводов. Главная же ошибка заключается в том, что наука никогда не была позитивной в контианском смысле. Она всегда постулировала и описывала вещи, которые лежат за границами опыта ученых, что было учтено Поппером уже в ПОСТпозитивизме, но и он не является фундаментом научного мышления. Ученые безусловно используют фальсифицируемость в качестве критерия демаркации, но большинству из них кажется, что теорию можно не только опровергнуть, но и доказать (как это произошло с теорией эволюции).

В общем, философские описания науки через разные ступени позитивизма всегда были неудачными, потому что наука в своем ядре содержит антипозитивисткую методологию, заставляющую ученых не только изучать очевидное, но и да-

вать неочевидные объяснения увиденному. Желание философов объяснить науку через позитивизм я могу оправдать тем, что философы здесь опираются не на историю науки, а на доступную им историю философии, которая, конечно, переплеталась с наукой, но зачастую эти переплетения имели довольно причудливые формы, которые практически невозможно назвать показательными.

Также добавлю, что средний ученый, скорее всего, и не слышал ни про какой позитивизм, а если и слышал, то не смог адекватно разобраться в том, что это такое. Поэтому ученых-позитивистов и даже ученых постпозитивистов в современности относительно немного.

Заключение

Определение науки — процесс крайне сложный и проблематичный, потому что это слово само по себе носит очень большой авторитетный вес. Слово «Наука» вызывает трепет и безропотное почитание у образованных и необразованных людей, потому что «науке нас учат в школе», «на науке строится образование», «наука даёт объективные знания о мире», «наука создала мир вокруг нас», но в итоге оказывается, что мы толком и не знаем, что такое наука. В погоне за защитой этого великого слова или его критике люди умножали разнородные определения и перемешивали их между со-

бой. Многие подходы отдельных людей, среди которых множество ученых, представляются непоследовательными в своих смешениях, а данная глава предназначена для того, чтобы у нас появилась возможность более конкретно и предметно рассуждать о демаркации и её последствиях. Для многих людей, например, не очевидно, что если мы совмещаем социальное определение и фальсификационисткое, то главным критерием отделения научного от ненаучного будет именно второе. Да и мало кому хочется разбираться во всех этих философских рассуждениях, ведь «учёный лучше знает, чем он занимается». Как бы не так. Более того, ученый заинтересован в том, чтобы его дисциплина носила гордое имя «наука». И свои определения специалисты из разных дисциплин нередко стараются выбирать так, чтобы их дело обязательно оказывалось научным.

Мы живём в мире, где слово «наука» выступает в роли некого бога и судьи во многих областях нашей жизни, но мы не знаем и не можем достаточно точно определить, что это такое. Получается, что за словом наука не стоит совсем ничего? Она то практика, то теория, то сообщество, то объективность, то конвенция — не слишком ли много смыслов и подходов вмещается в одно слово, которое по какой-то невероятной причине имеет глубочайший религиозный авторитет? Вам нравится наука? Но что же это такое? Что она для вас? Вы дадите некое определение, а потом окажется, что оно либо является неточным, либо противоречивым, либо

бессмысленным. И окажется, вы не знаете, что вам конкретно нравится.

Сложностей здесь, как мы могли увидеть, предостаточно. И даже не вполне понятно, нужно ли их каким-либо образом разрешать. Может быть, достаточно сказать, что наука — это ничто. У неё нет определений. Это множество с переменным содержанием, которое мы формируем в дискурсе согласно нашим субъективным или интерсубъективным потребностям.

Наука - ничего не значит. Наука - никак не работает. Нет никакого научного метода. Нет никаких ученых. Когда мы говорим слово "наука", даже если мы университетские специалисты, то обычно подразумеваем, что нечто сделано по некоторым эпистемическим стандартам (притом, эти стандарты в разных дисциплинах разные), которые мы считаем хорошими (по тем или иным параметрам, тоже разнящимся от дисциплины к дисциплине). Притом существует такие эпистимические стандарты, которые традиционно ни при каких условиях нельзя называть "научными". Например, стандарты философских и теологических школ таковыми зачастую не называются, хотя их дотошность и глубина доказательности могут превосходить иную "науку". Между "науками", то есть академическими дисциплинами, очень мало чего общего, а потому никто толком и не может рассказать, что такое наука. Математика, физика, инженера, социолога, филолога, лингвиста и психолога больше объединяют

ГОСТы и правила подачи данных в журналы, чем какая-то волшебная методология или эпистемические ценности (разве что, кроме самых базовых ценностей, свойственных большинству людей. Например, не врать и стремиться к достоверной информации). Но является ли "наукой" ГОСТ? Или является наукой стремление к достижению правды? Очевидно, нет. В слово "наука" зачастую вкладывается сакральный смысл. С помощью этого слова одни познавательные практики пытаются показать своё эпистемическое превосходство над другими. Другого содержательного ядра у науки нет. По сути, слово наука, употребляемое большинство людей, включая самих ученых, - это крайне общая оценочная позитивная характеристика, объяснение которой не представляется возможной ввиду её абстрактности и запутанности. Быть наукой - не значит ровным счетом ничего, как ровным счетом ничего не значит быть абстрактно хорошим или абстрактно эффективным. Это заклинательные абстрактные формулировки для поддержания состояния гипнотической заворожённости современной сомнительной картины мира. Никакой науки нет, но люди хотят её видеть. У людей сформировался миф о могуществен науки, а потому всё, что имеет хоть какую-то степень могущества, возводится к науке. Всё, что хоть немного эффективно, научно, хотя и не понятно, а что такое – научно.

Таблица сциентизма

	Сильный	Слабый
Узкий	Естественные науки единственный источник знаний, обоснований и рациональных убеждений	Естественные науки лучший источник знаний, обоснований и рациональных убеждений
Широкий	Все науки единственный источник знаний, обоснований и рациональных убеждений	Все науки лучший источник знаний, обоснований и рациональных убеждений

Таблица является бессмысленной и вот почему: во-первых, люди категорические редко транслируют один из предложенных подходов. Многие начинают с сильного тезиса, а потом переходят на слабый. Если у них получилось защитить слабый тезис, то в следующих дискуссиях они могут опять возвращаться к сильному. Лишь небольшое количество людей может быть описано данной таблицей. К сожа-

лению, мнения не являются формальными структурами, и люди не придерживаются конкретных утверждений. Разница между сильной и слабой версией не так уж и сильна. Более того, я категорически не понимаю, что такое «лучший» источник знаний. Знание – это обоснованная истина, а истина – это соответствие наших представлений реальности. Я, честно говоря, не уверен, что представления науки соответствуют реальности, а потому говорить о знании не могу. Более того, зачастую индуктивные доказательства науки не кажутся мне лучшим подходом, потому что индукция почти всегда оказывается неполной, а потому вероятностной. До тех пор, пока мы не знаем истину, невозможно заявить о том, что наука – это лучший источник знаний. До тех пор, пока мы не знаем истину, трудно сказать, какую методологию лучше всего было бы применять для её открытия, а потому не можем быть уверены, что используем лучший метод обоснований. Исходя из двух последних пунктов, я бы вывел, что наука не может быть лучшим источником рациональных убеждений, потому что содержит ряд фундаментальных проблем. Впрочем, также я не понимаю, почему мы должны вообще стремиться к рационализации наших убеждений. Как будто это что-то однозначно хорошее. Это тоже не очевидное положение.

Во-вторых, разделение на узкое и широкое определение науки не выдерживает никакой критики. Широкое определение науки (выходящее за пределы естественных наук) пе-

ремешивает буквально всё в одну огромную кучу, с которой оказывается достаточно трудно разобраться. Конечно, если мы подразумеваем, что наука — это и физика, и социология, и философия, и религиоведение, и история, то никакого антисциентизма нет, но существует академическая критика внутри самой науки. У естественных наук, к примеру, есть критерии и общие стандарты, а также целостная картина мира. А вот у всех наук в широком смысле нет ничего подобного. Здесь всё, как и в большинстве других случаев, зависит от определения. Если мы понимаем под наукой одно, то рационализируем её одним образом; если же понимаем другое, то и путь рационализации будет другим.

Само слово "наука" по-прежнему не имеет строго критерия, что не может не огорчать. Разделение же науки (естественного и натуралистического дискурса) и других академических дисциплин позволяет нам более просто и тонко описывать те же самые вещи. Например, куда проще говорить о едином научном методе, когда мы не выходим за пределы естественных наук. Также проще описывать противостояния внутри академической среды, когда антисциентисты (противники естественнонаучного метода) критикуют сциентистов (сторонников естественнонаучного метода). Наука как всё хорошее (эффективное) против всего плохого (неэффективного) не кажется хорошо сформулированной проблемой, потому что, опять же, в широкое определение науки входит достаточно большое количество дисциплин, и не по-

нятно, какие общие критерии эффективности у них вообще имеются. Объективность? Филологи со своими разборами текстов могут посмеяться. Вообще, герменевтика как методология умножения интерпретаций тоже, видимо, может не рассматриваться как объективная[9]. Проверяемость и воспроизводимость? Мы же говорим про гуманитарные и социальные науки. Все признают, что по этим параметрам они принципиально слабы.

Антисциентист почти никогда не определяет науку через широкое определение. Потому в целом и оказывается возможен академический антисциентизм, в рамках которого встречаются философы, социологии, гуманитарии и многие другие представители неестественных наук. Антисциентизм выступает против догматического естественного метода и против догматичности научной (естественной и натуралистичной) картины мира. Антисциентист легко может использовать материалы религиоведения, истории, философии и социологии, чтобы критиковать науку (естественную науку). Ввиду этого антисциентизм по своему содержанию оказывается не бессмысленным, ибо есть конкретный подход и получаемая из него картина мира (наука) и есть разные подходы к его критике (антисциентизм).

Когда мы говорим слово «наука», чаще всего в голову

[9] Какая может быть объективность, если многие гуманитарии обращают особое внимание на субъективный аспект и считают это наиболее эффективным подходом к исследованию текста или произведения искусства, а через субъективную интерпретацию и самих себя?).

приходят имена естествоиспытателей, а не, скажем, филологов или социологов. Широкое определение науки выходит за границы обывательского представления, но это не самое страшное. Помимо этого, такой подход к определению лишает слово «наука» какого-то точного критерия. И мы в принципе теряем предмет разговора. Давайте попробуем классифицировать с помощью данной таблицы те представления о сущности науки, которые у нас получилось добыть. Очевидно, что одной из разновидностей широкого определения будет социологический взгляд на науку. Если говорить об узком определении, то «узким-сильным» мы назовем объективизм, а «узким-слабым» – фальсификационизм и, возможно, инструментализм.

Также важно заметить, что эта таблица является довольно поверхностной, потому что на практике люди легко подменяют один подход другим. То есть это не исчерпывающее представления о том, какими могут быть мнения о науке. Даже наоборот: один и тот же человек в одном предложении может говорить с позиции того, что наука всего-то лучший метод познания, а потом утверждать, что – единственный и никаких альтернатив нет. Это обычная практика дискуссии с любым сциентистом вне зависимости от уровня его компетенции в науке (за редчайшими исключениями). Один и тот же человек то объективист, то фальсификационист, то инструменталист, то начинает защищать науку как некое единое сообщество. Почему оно происходит именно

так? Мне думается, что наука имеет за собой ряд мифологически сформированных образов. Притом, у каждого человека они отличаются. Чаще всего мы имеем такую мешанину образов относительно науки, что ни одно определение не может в достаточной мере уместить их без противоречия. Именно поэтому любая последовательная попытка трактовки науки обязательно сталкивается с игнорированием многочисленных образов и лишением разных дисциплин научного статуса. Слишком широкие определения науки (например, социальное) позволяют вместить в это слово также и дисциплины, которые в рамках научной мифологии не входят в спектр научных образов[10]. Чем конкретнее, понятнее и точнее определение науки, тем больше дисциплин им игнорируется. Именно поэтому мне кажется, что данная таблица сама по себе является довольно проблемной, потому что не рассматривает промежуточные формы мировоззрений относительно науки и не стремится показать неоднозначность и непоследовательность сциентистов.

[10] Например, магия, астрология, теология, тарология тоже могут рассматриваться как науки с точки зрения социологии, если все эти группы сообществ начнут совершать «научные» действия, писать диссертации, статьи и посещать конференции.

Виды антисциентизма

Больших форм антисциентизма не так уж много, и при этом самые массовые из них не имеют никакого отношения к философии.

1. Самая распространенная среди них - это религиозный антисциентизм. Здесь люди критикуют науку, потому что та, по их мнению, противоречит их религии. Эта ветвь очень распространена, но даже внутри религий представлена малым числом последователей в процентном соотношении. Безразличных к вопросам науки и наукозащитников (сциентистов) в религиозных средах всё еще на порядок больше. Обычно эта группа антисциентистов использует слабые аргументы, а также аргументы, значимые исключительно внутри их религии. Например, теория эволюции не верна, потому что все окаменелости подкинул нам, скажем, Дьявол. Они ангажированы своей религией, а потому редко являются сильными союзниками в дискуссионной борьбе с сциентизмом.

2. Вторая по популярность ветвь - это магический антисциентизм. Маги, эзотерики, внерелигиозные духовные практики также бывает критикуют науку, но и среди магов и иэзотериков большинство склоняет к сциентическим тенденциям. Есть множество магов и эзотериков, которые считают, что их занятия либо параллельны науке, то есть не пересе-

каются с ней, либо магия напрямую является одной из наук. Магические антисциентисты также часто используют слабые аргументы против науки, и большая часть из них тесно переплетена с их магическими верованиями.

3. Третья относительно популярная ветвь - это постмодернисты и их последователи, генеалогически зависимые от постмодернизма течения (например, современная темная философия). Опять же, кажется, что большинство людей, связанных с постмодернизмом, критикуют что угодно, но только не науку, а представители современной темной философии, например, спекулятивные реалисты, через одного являются откровенными сциентистами (Брасье, Грант), а некоторых можно трактовать как скрытых, пусть и очень странных, сциентистов (Мейясу, как мне видится, таковым является). Постмодернистическая философия в целом плохо предрасположена к аргументации и к аргументации против науки. Она больше ориентирована на культуру и иные способы убеждения. В этом плане, если мы не поддерживаем остальные пункты борьбы постмодернистов, то они тоже оказываются довольно слабыми союзниками в критике науки.

Как мы видим, три большие группы антисциентистов почти всегда являются представителями тех течений и направлений мысли, которые могут защищать науку, они слабые аргументаторы, у них есть более важные и интересные проблемы в рамках их топики, чтобы оставить проблему науки на

потом. Вопрос о науке для всех этих направлений - дело десятое. Их антисциентизм - пассивен и не очень важен для них самих. Часто он лишь некая незначительная добавка ко всей совокупности их системы убеждений, а потому он почти всегда не продуман, поверхностен, неважен и неубедителен. При этом всем, наука представляется мне крайне серьезным соперником, который имеет огромное число верных сторонников, готовых защищать науку самыми подлыми риторическими приемами. Противостояние такой силе, если мы вообще за него беремся, не может быть несерьезным, поверхностным, неважным.

Тест на сциентиста:

1. Ты считаешь, что естественными дисциплинами (биологией, физикой, химией) должны заниматься только учёные (люди, использующие научную методологию)? Да (+1) / Нет(0) / Не знаю (0)

2. Ты считаешь, что всеми дисциплинами (психологией, социологией, историей) должны заниматься только учёные (люди, использующие естественнонаучную методологию), т.е. ты полностью поддерживаешь экспансию естественных наук в другие дисциплины? Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

3. Ты считаешь, что наука (как методология или социальный институт) должна обладать монополией на познание? Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

4. Ты веришь/знаешь, что теория эволюции верна? Да (+2)/Нет (0) / Не знаю (0)

5. Ты веришь/знаешь, что теория эволюции самая вероятная по данному вопросу? Да (+1)/Нет (0) / Не знаю (0)

6. Ты считаешь, что любое утверждение о мире должно быть проверяемо и воспроизводимо, иначе оно не имеет познавательной ценности?
Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

7. Ты считаешь, что на вопросы морали, сознания и свободной воли в будущем можно будет ответить с помощью нейронаук, психологии и биологии?
Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

8. Ты считаешь, что философия утратила свою познавательную функцию и теперь может быть полезна лишь как логико-лингвистический инструмент для науки?
Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

9. Ты считаешь, что религиозные, мистические и художественные способы «познания» — это не познание, а формы личного или культурного самовыражения?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

10. Ты считаешь, что научное мировоззрение должно быть основой для принятия решений в политике, экономике и социальной инженерии?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

11. Ты считаешь, что искусство, литература и гуманитарные науки ценны только постольку, поскольку они могут быть интерпретированы или интегрированы в научную картину мира?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

12. Ты считаешь, что в будущем все знания можно будет формализовать и представить в виде теорий, алгоритмов и моделей?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

13. Ты считаешь, что прогресс возможен только через научные и технологические достижения, а не через философское или религиозное осмысление мира?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

14. Ты считаешь, что для оценки эффективности образования, искусства или терапии нужно применять строго научные критерии (например, статистическую значимость, нейропоказатели, поведенческие данные)?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

15. Ты считаешь, что научный метод — единственный надёжный способ борьбы с заблуждениями и идеологиями?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

16. Ты считаешь, что критика науки (о социальной обусловленности знания, о невозможности объективности и пр.) — несёт интеллектуальный вред?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

17. Ты считаешь, что главная цель образования — формировать научное мышление и рациональность, а не развивать личность, креативность или моральное чутьё?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

18. Ты считаешь, что свобода мнений и плюрализм не оправдывают ложные или антинаучные убеждения, и такие убеждения не должны иметь равные права на публичное распространение?

Да (+3) / Нет (0) / Не знаю (0)

19. Ты считаешь, что все различия между культурами, традициями и моралями — лишь результат эволюции, среды и нейроархитектуры, а значит, поддаются объяснению и управлению?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

20. Ты считаешь, что «глубокие» вопросы (о бытии, сущности, ничто и т.п.) — это просто лингвистическая путаница и псевдопроблемы, возникшие из-за недопонимания языка?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

21. Ты считаешь, что существует объективная, независимая от человека реальность, и цель науки — как можно точнее её описать?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

22. Ты считаешь, что если гипотеза не может быть опровергнута экспериментально, её не следует принимать всерьёз?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

23. Ты считаешь, что все науки должны стремиться к математизации и количественному моделированию, иначе они останутся на уровне описания и мнений?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

24. Ты считаешь, что наука в долгосрочной перспективе способна заменить религию, мораль и искусство как формы ориентации человека в мире и позитивно к этому относишься?

Да (+4) / Нет (0) / Не знаю (0)

25. Ты считаешь, что эпистемическим авторитетом должны обладать только учёные?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

26. Ты считаешь, что люди, отрицающие науку, не имеют морального права участвовать в принятии общественно значимых решений?

Да (+4) / Нет (0) / Не знаю (0)

27. Ты веришь/знаешь, что теория относительности (специальная и общая) верна?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

28. Ты считаешь, что теория относительности — самая вероятная по вопросам пространства и времени?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

29. Ты веришь/знаешь, что квантовая механика верна?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

30. Ты считаешь, что квантовая механика — самая вероятная в области по микромира?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

31. Ты веришь/знаешь, что теория большого взрыва верна?

Да (+2) / Нет (0) / Не знаю (0)

32. Ты считаешь, что теория большого взрыва — самая вероятная по вопросу происхождения Вселенной?

Да (+1) / Нет (0) / Не знаю (0)

Оценка себя по тесту:

0 баллов - вы точно не сциентист.

1-10 баллов - возможно, вы не сциентист с некоторыми сциентическими убеждениями, или вы слабый сциентист.

11-20 баллов - вы умеренный сциентист.

21-40 - вы радикальный сциентист.

41-57 - вы Гитлер от мира науки.

Умеренный сциентист - это человек, который в целом поддерживает научный подход, но не полностью радикален во всех вопросах. Он признаёт важность науки, но может допускать сомнения, уважать альтернативные подходы и не поддерживать монополию науки во всех сферах.

Радикальный сциентист - это не просто человек, который верит в науку, а тот, кто требует её монополии, исключительности и полного вытеснения альтернативных форм познания и культурных практик.

Гитлер от мира науки - это буквально сциентическое чудовище, которое готово уничтожать чужие дискурсы, радикальнейший фанатик и интеллектуальный террорист.

Зачастую люди, которые относятся нами к радикальным сциентистам, вообще не считают себя сциентистами, перекладывая груз этого термина на людей из следующей по уровню интегрированности в научное мировоззрение. Важно помнить, что положительный ответ на почти любой из представленных вопросов - уже говорит о том, что вы придерживаетесь некого сциентического убеждения. Положительный ответ на хотя бы десять вопросов с единичками гарантирует принадлежность к умеренной форме сциентизма. Положительный ответ на пункты с +3 и +4 практически наверняка делают вас слепым фанатиком, который приносит вред окружающим или оправдывает принесение этого вреда ради собственных верований.

Основная стратегия самых заядлых медийных сциентистов заключается в том, чтобы просто отрицать свою принадлежность к данному множеству, показывая на неких радика-

лов. Это как отрицать свою принадлежность к той или иной религии, указывая пальцем на экстремистов и террористов.

Если вы считаете, что любой разумный человек ответит на более 10 баллов из 57, то вы, как мне видится, заблуждаетесь. В нашу эпоху утвердительные ответы на некоторые из предложенных вопросов стали маркером здравого смысла, но эти ответы не обязательны. Низкий порог оценивания как раз и обусловлен тем, что в нашем мире слишком много сциентистов. Сциентизм повсеместен (хотя бы в умеренных формах).

Верно было бы заметить, что сциентизм сам себя не определяет. Это термин, произведенный антисциентистами, а не самоназвание секты фанатов науки. Именно поэтому нет смысла спрашивать у сциентистов, являются ли они сциентистами. Сциентизм - это рабочий термин антисциентистов, предназначенный для того, чтобы выразить свою критическую позицию в адрес некоторой группы людей, которая номинально может быть никак не объединена. И нет ничего удивительного в том, что сциентистов в мире подавляющее большинство.

Гегемония науки и плюрализм – homo scientificus

Параграф 1. Сакрализация науки

Для подавляющего количества людей наука — это тема, которую нельзя обсуждать в критическом ключе. Постфактум это рационализируется таким путем: в науке есть механизмы самокритики, а мы не специалисты, чтобы этим заниматься. Проблема заключается в том, что такая рационализация абсолютно бесполезна, ведь она в принципе разрушает любые основания для критики чего угодно. Например, в марксизме тоже есть механизмы самокритики и, конечно, специалистом, освоившим хотя бы Маркса и Энгельса, мы не являемся. Запрет на выдвижение критических положений в сторону самокритикующихся систем (каковыми являются разные философские системы и большие религии) и требование от критикующего подтверждённой специализации делает внешнюю критику (вненаучную или внерелигиозную) невозможной, ведь ты не ученый (поп, профессор марксизма, монах), чтобы критиковать науку (христианство, марксизм, буддизм).

Другое достаточно обширное множество людей готово обсуждать науку, но не с позиции критики её методов и положений, но с позиции оправдания науки перед критиками. Притом оправдания чаще всего происходят любой ценой, потому что эти люди понимают под наукой самое лучше и эффективное. Хорошо хоть степень сакрализации науки у

них чуть поменьше, чем у предыдущей группы, что позволяет эту тему вообще обсуждать. Такие люди чаще всего спекулируют на неточности определения науки, подменяют понятия, разбрасываются хвалебными эпитетами в адрес науки, игнорируют сильную аргументацию, которая приводит нас к сомнению в научных данных и теориях. Этим людям свойственно иметь размытые представления о научной методологии, а от того нет такого критерия, из которого эти скользкие угри[11] не смогли бы вывернуться.

Для меня очевидно, что такая сакрализация науки в среде обывателей и, что самое главное, самих ученых — это та черта, которая роднит науку с религией. Сакрализация науки очевидна, если смотреть на весь этот цирк со стороны, но научные догматики унаследовали из Эпохи Просвещения один существенный недуг, который отличает их от христиан: они признают за собой свободомыслие (которого у них нет) и думают, что они убеждены в вещах, в которых невозможно усомниться, а во всем, в чем имеет смысл сомневаться, они сомневаются (что тоже, конечно же, не так). Нерефлексивное использование ярлыков "свободомыслия" и "скептицизма" формирует недуг игнорирования собственной необоснованной убежденности. Таким образом homo scientificus является одним из самых необоснованно убежденных людей за всю историю существования человечества и, одновременно с этим, единственный так рьяно отрицает свой догматизм.

[11] Отсылка на то, как буддисты называли своих оппонентов.

Сакрализация фигуры учёного заключается в ряде позиций:

1. Учёный в представлениях людей (включая самих ученых) несёт пользу, хотя это в подавляющем большинстве случаев неправда.

2. Ученый во всём сомневается, хотя это самая наглая и глупая ложь, которую только можно вообразить. Человек, который воспроизводит эту формулировку по отношению к ученым, вообще может быть объявлен недееспособным для дискуссии по данной теме, потому что апеллирует к нелепым фантазиям и стереотипам, при этом не пытаясь проанализировать самого учёного. И в чём же учёный не сомневается? Ответ прост: минимум в методологии. Можно накидать множество примеров догматичности ученых, и нельзя привести ни одного примера учёного, который был бы абсолютным скептиком. Люди, которые спекулируют сомнением применительно к научному способу догматического исследования мира и к догматичным ученым, — это сумасшедшие религиозные фанатики, ослепленные своими кумирами.

3. Ученый обладает критическим мышлением. Здесь сразу две проблемы: 3.1 непонятно, что такое критическое мышление, потому что разные авторы указывают на абсолютно разные его черты (кто-то опирается на сомнение, кто-то на анализ, кто-то на приведение своих мнений в научную форму, кто-то говорит о рационализации); 3.2 ученый почти никогда не применяет критическое мышление (как

бы мы его не понимали) к философским основаниям своей дисциплины, а рассуждает о ней в обывательском ключе, но при этом вся критика в рамках его научной деятельности есть лишь применение научного познавательного алгоритма к своей специальности. За пределами собственной специальности ученые чаще всего оказываются безоружными идиотами, чьи позиции почти никогда нельзя назвать более ценными и основательными, чем позиции обычных людей с улицы (очень странно, что такое свойство как "критическое мышление" у одного и того же человека то включается, то выключается в зависимости от того, является ли обсуждаемая тема частью образования ученого). То есть сам ученый редко обладает "критическим мышлением", за него функционируют вполне простые и понятные правила, которые существуют в академическом сообществе. О каком критическом мышлении может идти речь, если учёный в подавляющем числе случаев — это просто высококвалифицированный послушный офисный (лабораторный, библиотечный) работник, выполняющий свои функции? Чтобы быть ученым, даже мышление как таковое не нужно. Не то чтобы критическое! Можно обойтись вообще без мышления в науке, что в скором времени продемонстрируют всевозможные нейросети.

4. Ученый мыслит свободно. В прошлом пункте в достаточной степени было показано, что ученый — это не просто несвободно мыслящий человек. Ученый — это такой человек, который по уровню несвободы своей мысли обгоня-

ет всех догматиков за историю человечества. Ученный подчиняется правящей вокруг него методологии и традиции. Вы можете привести в качестве контрпримеров уникальных ученых, борцов за новаторство и новые методологии, но по факту таких людей за всю историю существовало несколько сотен или в лучшем случае тысяч, а всего ученых стадных, послушных, совершенно немыслящих — миллионы. Рассуждая об ученых, вы приводите в качестве примеров Ньютона, Галилея, Эйнштейна. У них тоже были проблемы со свободомыслием и догматизмом, но, допустим, эти люди действительно могли мыслить свободно относительно остальных. Большинство ученых даже близко не стоят к этим людям. То есть, рассуждая об ученых на примерах Эйнштейна, Галилея и Ньютона, вы всего-то совершаете ошибку выжившего.

5. Сами ученые часто считают, что они мыслят свободно, сомневаются, обладают критическим мышлениям и несут пользу людям, хотя несложно убедиться, что всё это неправда. Народная лесть гипнотизирует научное сообщество и формирует чувство собственной важности каждого отдельного учёного.

Людям нередко свойственно переносить на ученых и науку своё мировоззрение. Таким образом они делают науку частью своей зоны интеллектуального комфорта, а также оправдывают её в своих глазах. Например, какой-нибудь агностик с большей вероятностью будет рассуждать о науке

как о некотором инструментальном или агностическом проекте, в рамках которого мало кто вообще занимается познанием (достижением обоснованной истины). Все ученые (или хотя бы большинство из них), по его мнению, понимают, что познание в рамках науки осуществить невозможно, а сам научный процесс нужен для, например, практических целей. С другой стороны, марксист наоборот будет настаивать на том, что наука имеет доступ к истине и может её открывать, а если человек в рамках науки к истине не стремится, то он и не ученый вовсе. Верующий христианин будет видеть религиозные пласты науки и уверять нас, что значительная часть ученых — христиане, а наука в целом религии не противоречит и даже дополняет её. Какой-нибудь «скептиконщик», который искренне и догматично убежден в том, что во всем надо сомневаться (кроме науки), с большой вероятностью будет верить в то, что и ученые во всем сомневаются. Человек, оправдывая науку, очень часто делегирует ей своё мировоззрение, потому наука в его глазах заслуживает доверия.

Наука — это центральный идол современной цивилизации, а потому люди переносят на науку самое ценное, что у них есть, то есть своё собственное мировоззрение. И это очень щедрый подарок, который дарует ученым власть над умами обывателей. Учёный в глазах многих оказывается союзником, поддерживающим их мировоззрения. И благо, что академическое сообщество, которое часто и ассоциируется с наукой, переполнено людьми с очень разными убеждени-

ями и мировоззрением. Здесь найдутся специалисты на любой вкус: агностики, феминистки, скептиконщики, христиане, мусульмане, буддисты, платоники, инструменталисты, фальсификационисты, наивные позитивисты, марксисты — осталось только использовать cherry picking, чтобы отобрать удобных для собственного мировоззрения ораторов.

Как есть христианство и гностицизм, так по аналогии можно выделить оптимистичный сциентизм и пессимистичный сциентизм. Оба подхода признают познавательную мощь науки, её силу и влияние на практику. Также они фиксируют, что у науки в её познавательном деле нет никаких альтернатив. Проще говоря, они выступают за сохранение монополии науки. Только оптимистичный сциентист радуется могуществу науки, потому что у него она - это добрый и всеблагой бог, который, даже если и несет временами некоторый вред, в итоге подарит человечеству спасение и блаженство в виде некоторой технологической утопии. Пессимистичный сциентист видит в науке злого бога, который своими неоспоримыми открытиями ведет человечество в бездну. Второй тип сциентиста не является менее сциентичным, потому что в его взгляде на мир нет альтернативы науке.

Параграф 2. Доступность и проверяемость научных данных и теорией

Существует удивительный предрассудок, согласно которому наука предоставляет доступные и проверяемые данные, в которых может убедиться любой желающий. Это чистой воды обман. Во-первых, значительная часть научных данных для понимания требует освоения нетривиального математического аппарата, что точно не является доступным для большинства людей. Более того, имеются сомнения, что истину вообще можно выразить на математическом языке. Во-вторых, необходимо освоить язык той или иной научной дисциплины, что опять же представляется довольно сложной задачей. И мы также не можем быть уверены в том, что этот язык (и какой-либо ещё) принципиально способен выразить и описать наблюдаемые явления и законы. В-третьих, неплохо было бы провести сам опыт, но чаще всего никакой обыватель ничего подобного сделать не может. Существуют лишь привилегированные группы людей, которые могут иметь к опыту прямое отношение, а также описывать его и делать из него выводы. Чаще всего выводы строятся на неполной индукции и являются сомнительными. Обыватель же имеет возможность только прочитать о том или ином опыте. Не бу-

дет же он сооружать коллайдер у себя во дворе или закупать самые лучшие технологии. Наука – дело элитарное. И занимаются им отдельные элиты, имеющие определенные методологические и онтологические убеждения. Наука точно не является доступной, а потому приходится верить на слово великим специалистам. Вероятность ошибки довольно велика.

Если бы у всех групп религиозных людей и философов был доступ к тем технологиям, которыми располагают учёные, то, мне видится, что все они справились бы с преломлением полученного опыта к своим убеждениям. Впрочем, важно также помнить, что внутри религии и философии куда меньше интеллектуальных специалистов, которые готовы заниматься подобными опытами. Наука сконцентрировала в себе довольно большое количество относительно неглупых людей, которые смогли освоить частные методы. Ученых – миллионы, а философов в том или ином направлении по всему миру в лучшем случае – сотни. Тут мы сталкиваемся с несопоставимостью науки и каких-то направлений мысли и религиозных верований.

Потенциально трактовать научные данные магически, метафизически, феноменологически – можно. И мы видели множественные примеры этого в истории философии. Чего только стоят работы Шеллинга по типу «Идей к философии природы». Но всегда важно помнить, что свои трактовки ученые создают коллегиально, а вот философы и религи-

озные деятели нередко оказываются один на один с бездной фактов из разных дисциплин, а против них тьма специалистов-натуралистов, готовых обвинять людей в шарлатанстве и глупости за мельчайшие ошибки. При этом авторитет ученых чаще всего легко может спровоцировать недовольство сциентической публики, которая будет оказывать психологическое давление на того или иного философа, теолога или мага. В условиях психологического давления работать может далеко не всякий человек.

Данные науки менее доступны и проверяемы, чем тот же духовный религиозный опыт или набор буддийских медитаций. Когда буддист говорит, что для проверки его высказываний необходимо входить в определенные состояния, сциентисты обычно отнекиваются и предпочитают наблюдать со стороны. Когда же речь касается их глубинных убеждений, почему-то все группы людей обязаны изучать абсолютно сомнительные научные методы, ведь только тогда они будут "доступными". Правила игры науки категорически сомнительны, но научные фанатики настолько преисполнились в эпистемологической власти, что требуют от всех следовать их догматам и заветам, но при этом сами не желают играть по чужим правилам. Очень удобная, ничем не обоснованная и однонаправленная игра получается.

Для «доступности» организуются многочисленные университеты и школы, в рамках которых человек должен обучаться в районе шестнадцати лет (10 лет школы, 4 – бака-

лавриата и 2 магистратуры), а если он хочет прослыть специалистом, то и все двадцать (3 года аспирантуры и, допустим, год на подготовку и защиту диссертации). Вот такой вот уровень доступности, который требует от тебя двадцати лет обучения. Освоить какую-нибудь буддийскую медитацию можно за несколько месяцев.

Никогда за всю историю человечества образование не было столь массовым и одновременно с этим догматичным. В современном образовании нет места альтернативным мнениям. Оно не рассказывает о многообразных мировоззрениях[12]. Для многих людей начальный период жизни проходит под лозунгом поклонения науке. И этого не избежать, так как образование массовое, а от полученного образования нередко зависит будущая работа человека. При этом за шестнадцать лет сколько всего успеет проверить человек? Малую часть. О многом он просто прочитает в книгах и поверит на слово. Он доверится ученым, которые рассказывают ему о том, что опыт происходил именно так, а не иначе. И еще ему расскажут о том, что научные трактовки опытов являются верными.

В рамках физического образования студенты могут про-

[12] Существуют только отдельные дисциплины, которые могут раскрыть альтернативные мировоззрения. И то в случае с религиоведением чаще всего в критическом ключе. А к философии подавляющее большинство студентов и так не относится серьезно, потому что это «просто мнение мужиков из прошлого». Кому вообще может быть интересно мнение людей, которое противоречит современной науке?

вести значительную часть тех опытов, которые проводились в прошлом. Притом, скорее, в далёком прошлом. И то все это будет под надзором старшего коллеги, который расскажет им о том, что означают те или иные результаты. Это довольно предвзято.

Огромное количество данных в рамках науки невозможно проверить. Мы можем лишь удовлетвориться тем, что то или иное научное утверждение проверено несколькими «независимыми» группами исследователей. Но насколько они независимы? Они получили одно и то же образование, пользуются одинаковыми методами, одна и та же система промыла им мозги. В каком смысле их можно назвать независимыми? Только в том смысле, что они независимы относительно друг друга, но не относительно научного общества. Из-за догматичности научной системы я бы не исключал катастрофических ошибок. Например, те же «независимые» теологи из разных городов с Средние века могли приходить к похожим выводам. Почему? Потому что они истину в чистом виде транслировали? Нет, потому что, на самом деле, они были зависимы от той познавательной системы, которая доминировала в их время.

Более того, сциентисты с удовольствием подсунут нам вместо проверки теории проверку той или иной практики, что является вещами принципиально разными. Одно дело – это подтвердить с помощью одного эксперимента существо-

вание некоторого физического закона[13], а другое дело – оценить эффективность того или иного медицинского метода на практике. Второе я бы вообще не считал научным. Практика всю историю человечества развивалась независимо от науки, а привязывать из друг к другу мы начали относительно недавно. Оценить эффективность того или иного метода не так уж и сложно, а те способы, которые существуют в академическом сообществе, представляются мне вполне релевантными. Только к науке это не имеет никакого отношения. Я же говорю о проверках более существенных тезисов, теоретических. Смешивать одно и другое не стоит.

[13] Спойлер. Одним экспериментальным фактом и даже множеством фактов невозможно доказать никакой закон природы и никакую теорию. Индукция так не работает.

Параграф 3. В защиту научпопа

Научпоперы — козлы отпущения от науки. Когда они выражают крайне распространенную в научной среде позицию, например, об убожестве философии, то на жалобы в адрес ученых появляются защитники науки как таковой, которые рассуждают о популизме научпоперов и обвиняют их во всех грехах. Панчин для них не ученый, Докинз тоже, Хоккинг и все остальные – не представители научного сообщества в целом, а лишь люди, которые выражают свое личное (хоть и крайне распространённое в научных кругах) мнение. При этом я бы зафиксировал, что эти персонажи намного догадливее и, возможно, даже умнее большинства ученых, которых я встречал за всю свою жизнь. Не нужно делать вид, что есть какая-то святая правильная наука и еретики научпоперы, виноватые во всем.

Мой антисциентизм не направлен против научпоперов и научпопа. Они лишь следствие из догматической эпистемологической системы, которую создала вокруг себя наука. Для большинства критиков околонаучного контента они оказываются отдушиной, которая позволяет выплеснуть негодование в адрес разных научных представлений (от теории эволюции до каких-то менее убедительных теорий). При этом люди делают вид, что лучше понимают науку, чем сами учёные, не являясь при этом ни учёными, ни исследователя-

ми в рамках социологии или философии. Научпоперы – это довольно популярные персонажи, которые пытаются в упрощенном виде преподавать научное мировоззрение и картину мира. Нередко сами научпоперы имеют научные степени и являются исследователями в некоторых важных отраслях научного знания. Впрочем, даже самые компетентные из них принимают удары за всё научное сообщество.

Стоит научпоперу сказать, что наука противоречит религии (а ведь противоречит), сразу появляются верующие сциентисты, которые хотят усидеть сразу на обоих стульях. Они начинают упрекать научпопера в невежестве (иногда пользуясь прочими оскорблениями), а также добавляют ультимативный аргумент, согласно которому в прошлом почти все учёные были верующими. Как будто это как-то указывает нам на отсутствие противоречия науки и религии. Словно не может быть такого, чтобы учёные прошлого заблуждались и имели противоречивые взгляды на мир, а также не может, видимо, быть ситуации, в которой наука и научные принципы постепенно развиваются и приходят к противоречию с религиозными догматами. Научпопер в своем «невежестве» здесь, конечно же, остается крайним, а все остальные ученые, большая часть из которых либо атеисты, либо деисты (то есть не христиане и не мусульмане), либо воздерживающиеся от суждений в данном вопросе – спокойной продолжают заниматься своими делами.

Более того, мне не кажется, что научпоперы выполняют

функцию популяризации науки, потому что наука и без того популярна. Её преподают в школах и университетах. Научное мировоззрение является одним из самых авторитетных. Даже те люди, которые презирают научпоп, обыкновенно пытаются прикрываться наукой и научностью. Может быть, какие-то незначительные группы людей стали сциентистами благодаря деятельности некоторых харизматичных ораторов, но в разрезе всей популяции их процент не кажется мне большим. Я вижу научпоп таким образом: люди пиарятся на бренде науки, принимая при этом критику.

Науке как социальной системе нужны такие козлы отпущения, чтобы они принимали на себя критику и в глазах многих понижали свой социальный статус. Если в глаза большого количества людей ошибка того или иного мусульманина отражается на всём исламском сообществе, то в случае с наукой это так обычно не работает. То есть понижение социального статуса научпопера никак не вредит научному сообществу. Люди могут ненавидеть ученого Докинза, который выражает мнение огромного количества биологов по разным вопросам, но при этом сама пронизанная натурализмом биология совсем не страдает даже в глазах большинства верующих. Это Докинз дурак! Он не понимает, что биология и христианство друг другу не противоречат! Он не понимает, что есть великий бог Иисус Христос, который скоро снова придёт, оживит мертвых и создаст прекрасный рай! Он не понимает, что Иисус – это богочеловек, который рожден

непорочно, а также воскрес после жестокой гибели! Глупый Докинз! Остальные-то биологии, вероятно, ничего против этих положений не имеют. Так и получается, что научпоперы берут на себя весь удар, а вот авторитет научного сообщества не страдает. Эти же верующие, скорее всего, попытаются отыскать какого-нибудь биолога-христианина, чтобы противопоставить его злосчастному Докинзу. И тогда многим может показаться, что на одной чаше весов у нас Докинз, а на другой – верующий ученый. Как будто бы их мнения равновесны, и как будто бы они выражают позиции равнозначных групп людей в рамках науки.

Забавно наблюдать за тем, как люди, презирающие натурализм и научное (натуралистическое) мировоззрение, пытаются защитить науку в своих собственных глазах, а потому постоянно нападают на передовых научпоперов, транслирующих научную картину мира. Это удивительный феномен, который нередко проявляется в человеческих группах. Нечто похожее было и в христианстве, когда всевозможные еретики считали себя большими христианами, чем основная часть данного сообщества. Они спасали «христианство» как некоторое слово, то есть идол, который не имел для них того же значения, что и для основной группы христиан. То же самое сейчас происходит с наукой, но удар принимают научпоперы.

Нет никакого смысла сражаться против научпопа. Ни для христианского, ни для скептического, ни для буддийского

подхода в этом нет никакой пользы. Научпоперы – это лишь незначительные миссионеры научного мировоззрения. И в большей степени философов и религиозных людей должно волновать само натуралистическое научное мировоззрение, которое имеет преимущества над всеми прочими благодаря всеобщему школьному и университетскому образованию.

Научпоп отвлекает многих религиозных людей и философов от главной проблемы, то есть от тотальной натуралистичности самой науки. Эти люди чаще всего не понимают, что сама наука является их главным идеологическим врагом, обладающим несопоставимым влиянием и ресурсами. Мало кто сможет признать, что он выступает против науки как таковой. Мало кто сможет серьезно критиковать научную методологию. Наука настолько священна, что прикасаться к ней не стоит, иначе тебя начнут называть мракобесом и шарлатаном, а для многих людей – это клеймо на всю жизнь. Многим не хватает смелости для того, чтобы критиковать саму науку, а потому научпоперы и становятся крайними.

Все-таки это какой-то конкретный научпопер критикует вашу религию или философию. Вам просто не обращать внимания на то, что научное сообщество почти целиком такое, а научное образование и мировоззрение активно пропагандируют неприятие альтернативных форм описания окружающего мира. Чего стоит формат преподавания философии в ВУЗах! Не удивительно, что философия у большинства лю-

дей ассоциируется с рандомными и необоснованными мнениями безумных мужчин из прошлого, а оправдание философов из уст сциентистов звучит нередко так: «они просто не знали тех вещей, которые мы знаем сегодня». Как будто мир идей Платона был опровергнут каким-то фактами.

Важно помнить, что для представителей разных мировоззрений главным и наиболее опасным врагом на данный момент является наука, а не научпоперы. Научпоперы – это лишь следствие. Научное (натуралистическое) мировоззрение противоречит любой религии и любой полноценной философской системе. Наука – это главный идеологический враг для нас всех. Более того, наука – это тот фактор, который без должной борьбы приведёт к большему упадку религии и философии. Наука увеличивает число своих адептов абсолютно нечестным образом. Она спонсируется государством и многочисленными меценатами, а также проникает во все образовательные учреждения, через которые проходит подавляющее большинство людей. Когда вы поймете, что наука – это главный враг вашего мировоззрения, то борьба с научпоперами отойдёт на второй план. Вы больше не будете доказывать, что тот или иной научпопер недостаточно научен. Вы будете ниспровергать научность саму по себе, чтобы остановить экспансию науки.

Параграф 4. Презрение сциентистов к философии науки

Сциентисты в среднем довольно плохо относятся к философии науки, потому что она предлагает конкретные объяснения того, чем наука является или должна являться. Сами же сциентисты привыкли в своем слепом поклонении размывать понятие науки и употреблять оценочные эпитеты в духе: объективная, эффективная, лучшая. Сциентист не понимает, что философия науки и наука соотносятся как религия и религиоведение. Дать определять науку ученым и сциентистам то же самое, что дать определять религию попам и монахам. Сциентистам не нравится, что их маняфантазии о науке могут быть опровергнуты логически и на конкретных примерах. Им не нравится, что их определения внутренне противоречивы и избыточны. Им не нравится, что конкретизация слова "наука" позволяет реализовать против их священной коровы ряд критических выпадов, которые неуместны по отношению к подобной святыне.

Без уважения к философии науки, как мы видим, в академической среде создается какофония методов, подходов, предметов и учений, которые невозможно подвести под единую черту. Без философии науки представления о ней складываются хаотично. Безумный снежный ком непонятно чего

продолжает увеличиваться год от года.

Ученые чаще всего имеют крайне идеализированные представления о том, как устроена наука. И у этого есть причины. Ученый предвзят по отношению к науке, она занимает значительную часть его жизни, а усиление и утверждение науки — это в том числе усиление и утверждение самого ученого. Анализ науки от ученого чаще всего аналогичен анализу поэзии (как культурного феномена) от поэта или анализу прозы (как культурного феномена) от прозаика. Чаще всего, тот, кто хорошо владеет своим делом, плох в том, чтобы его анализировать, потому что анализ перемешивается с крайне субъективными эмоциями, пристрастиями и касается человека напрямую. Кроме того, ученые не смогли выделить науку, которая бы анализировала научную методологию и осмысляла науку как таковую. Метанаучные исследования ведутся в области философии и социологии. И это правильно. А вот позиции обыкновенных ученых по вопросам науки чаще всего не систематичны, беспредметны и не относятся к какой-то строгой дисциплине.

Параграф 5. Научная экспансия

Широкое определение науки — это, как мне видится, форма лингвистической экспансии сциентизма, потому что благодаря этому определению становится возможна спекуляция на тему того, что наука содержит в себе все эффективные и успешные познавательные практики в разных областях, что укрепляет статус наук в целом. Также широкое определение усложняет критику естественных наук как таковых, потому что постоянно приходится оговариваться на тему того, что речь идет об естественных науках. Да, методология естественных наук не выглядит такой догматичной, если есть и другие "научные" дисциплины с другими методологиями. Широкое определение науки не является точным и по факту ничего не определяет, но используется в основном для защиты догматов науки. Более того, благодаря этому определению гуманитарии и представители общественных дисциплин могут тешить свое самомнение и приобщаться к пантеону подлинных наук. То есть на эмоциональном уровне оно удовлетворяет многих, но пока что никто не смог придумать достойный критерий, который бы реально позволил обособить науки в широком смысле от, например, теологии, астрологии, таро и всего прочего, следовательно, интеллектуально это определение не может удовлетворить.

Научная экспансия – дело обыденное для сегодняшнего

дня. От неё страдают психология, социология и даже философия. Сциентизм и биологизаторство своими длинными щупальцами пытаются прорваться в те дисциплины, в которых для них может не быть места. Редуцировать всю социологию или психологию к биологии – обычное стремление многих исследователей в современной академической жизни. Научная экспансия распространяется на многочисленные области, среди которых оказывается и философия. Такие авторы, как Пинкер[14], негодуют, потому что уровень экспансии кажется им недостаточным, а плюрализм социологии, психологии и философии – отвращает. Как ни странно, многим свойственно преуменьшать характер научной экспансии, но всевозможные сциентисты постепенно захватывают те области, в которых их объяснения являются чуть ли не самыми наивными. Социология? Так тут все можно объяснить через популяции. Психология? Тут мы применим знания из нейронаук.

И, честно, почему бы и нет? Действительно, многочисленные данные, а также взаимодействие разных академических дискурсов, могут обогатить ту или иную дисциплину. С этим я полностью согласен, но по факту одним обогащением дело не заканчивается. Сначала сциентисты несут вам свои данные, а потом требуют принять их догматическую парадигму, обвиняя все подходы внутри той или иной дисциплины в ан-

[14] Стивен Пинкер «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня»

тинаучности. И всё бы хорошо, но инструментария биологизаторов и сциентистов обычно не хватает для того, чтобы в достаточной степени описать психику или общество, а потому их наглая экспансия чаще всего абсолютно не оправдана. Гормонами, нейронами, популяциями, естественным отбором и прочими волшебными словами трудно исчерпывающе описать культуры, общества и социальные взаимодействия. Социологи, культурологи и психологи потратили столетие, чтобы сформулировать некоторое количество адекватных подходов, но вдруг в их дисциплину врываются биологизаторы, требующие, чтобы всё это описывалось «научно», то есть на языке биологии, который формировался в исследованиях совершенно других явлений и чаще всего не походит для описания уже имеющихся фактов. Это и есть научная экспансия.

Я могу обратить внимание на то, как наука пытается захватить многочисленные области философии. Мне видится, что за последний век философия сильно деградировала, потому что начала стремиться к наукоподобию. Исчезла системная философия, которая разрабатывала полноценные мировоззрения. Философы превратились в мелких академических специалистов, разбирающихся в конкретных вопросах. Большинство современных «философов» крайне комплементарно относятся к науке, а также используют результаты её деятельности в своих размышлениях, что для мыслителей в общем-то не обязательно. Например, аналитиче-

ская философия в вопросах о свободе воле и сознании почти всегда опирается на науку. Аналитическая философия (за исключением некоторых единичных авторов) стала полноправной служанкой сциентизма. От философии не осталось былого величия. Теперь она состоит не из великих мыслителей, создающих системы, меняющие мир, а из маленьких офисных эрудитов, разбирающихся в конкретных темах.

Философия сильно слабеет, когда выполняет функцию "служанки". В Средние века от философии осталось одно слово, а мыслители того времени не создавали новых философских систем (почти как сейчас). Несмотря на многие важные для обсуждения темы, "философия" Средних веков была немощна и за тысячу лет с большим трудом смогла высидеть свою преемницу, науку. За всё тысячелетие не было создано ни одного мыслителя на уровне Платона, Аристотеля, Гегеля, Ницше, а появлялись лишь частные знатоки божественных откровений, по типу выдающегося Фомы Аквинского, которого у меня язык не поднимется назвать философом (создателем собственной системы взглядов). И каков итог? Многовековой технический и культурный застой. Очень медленное развитие идей и формирование дискурсов. Вот что случается, когда наука успешно проводит свою экспансию. И философы сами допустили это, а многие буквально мечтали уподобить свою систему науке. Отсюда и все разговоры в XIX и XX веках о наукоподобии и философии как строгой науке. Это привело философию к самоуничто-

жению.

Мы входим в Новое Средневековье, когда религию заменяет наука, представители которой во многом желают заставить философию служить ей. Со всех сторон (и со стороны философов, и со стороны ученых) звучат призывы к тому, что наука может обойтись без философии, а философии просто необходимо научное знание. Непонятно, только для чего оно необходимо, потому что в рамках философии есть предпосылки, которые позволяют обоснованно отказаться от эмпирического опыта. Более того, философия вполне позволяет критиковать фальсификационизм и многие научные методы. Не совсем понятно, почему наука необходима для философии, но в то же время философия не является необходимой для науки, несмотря на то, что философия науку породила и позволила ей сформулировать основные методы, которые до сих пор используются учёными.

Подчинение философии продолжается уже около столетия. И результаты не утешающие. Научный догматизм достиг своего пика. Философы измельчали. У науки нет достойных оппонентов, которые могли бы критиковать её со стороны. Только идиот может быть убежден в том, что ресурсов самокритики достаточно. Если мы позволим научной монополии захватить всю сферу познания, то до следующего расцвета мысли нам придётся ждать много веков, до Возрождения (если оно вообще предвидится). У науки же не будет никакого интеллектуального контроля. Всех своих оппо-

нентов уже сейчас ученые подавляют чистым авторитетом без аргументации. Ученые не видят никакой необходимости доказывать основные положения научной методологии и ту онтологию, на которой строится научное исследование (подразумевается натуралистическая онтология). Ученые вполне заняли место попов и теологов, а также обеспечили себе бронь от внешней критики (подобно попам и теологам). Это ведёт к закостенению позиций самих ученых и научного дискурса в целом. Это затрудняет проработку важных аспектов в основании науки, а потому многие ученые вполне могут простить себе невежество в философии науки. Эта философия им не нужна, потому что наука — это не предмет анализа, критики и разбора, а предмет беспрекословной и несомненной веры. Веры в прекрасное будущее, технологическое спасение, достоверное и объективное знание, а анализ здесь недопустим, потому что иначе эта мифологическая картина мира развалится, а за её разрушением последует длительный период осмысления оснований науки. Этот период окажется болезненным, потому что заставит многих учёных думать (чего сейчас они делать не хотят), но в итоге и это принесёт свои плоды в виде развития наших представлений.

Критика науки необходима для неё же самой, но представители научного сообщества, как и религиозные люди, зачастую не признают ту значимость, какую оказала на них и может оказать внешняя критика. Философия потому не должна служить, так как, помимо порождения новых уче-

ний, она продуцирует неограниченное множество критики (нередко разного качества от очень плохой до крайне утончённой). "Служанки" не критикуют. Нет у них такого права. Впрочем, и другие области тоже должны развиваться. Критика науки со стороны психологии, социологии, культурологии также может быть крайне уместна и сильна. Нужно сделать всё возможное, чтобы остановить экспансию науки, а также позволить специалистам из разных областей направлять друг на друга критику в свободном режиме без идеологического притеснения и воздействия на группы адептов

Параграф 6. Научный миф

Трудно оценивать представления людей о науке, не прибегая при этом к прояснению концепции научного мифа. Дело в том, что люди так цепляются за это магическое слово не по причине того, что явление, стоящее за ним, играет большую роль в жизни человечества (ведь этого явления, вероятно, даже не существует), а потому что сформировался определенный миф о могуществе науки и её связи с практикой. В этой работе мы ещё обсудим проблемы связи науки и практики, а также этой тема посвящена работа «Философия практики», а потому в данном параграфе мы не будем рассматривать причины, по которым теснейшая связь науки и практики легко подвергается сомнению. Здесь мы обратим внимание на подачу этого научного мифа.

Главным нарративом этого мифа является убеждение в том, что все блага, которые человечество имеет, возникли благодаря науке. Содержание термина «наука» чаще всего не проясняется, потому что при прояснении может разрушиться магический эффект всемогущей или, как минимум, очень могущественной (богини) науки, которая дарует своим детям всевозможные блага от электричества до интернета. «Знание сила» — повторяют люди с начала Нового времени, а знание, согласно их мифологическим представлениям, достигается научным путём. Благодаря знанию производят-

ся технологии. Знание – это доказанная истина, а истина – это соответствие наших представлений реальности. Так вот, судя по всему, ни одна наука пока что не смогла добиться знания, если подходить к этому классическому определению с этой стороны. Но миф не остановить. Он живет в сердцах не только обывателей, но и самих ученых. Они веруют, что исследуют реальность саму по себе, а многочисленные трактовки опыта, которые они приводят, представляются истинными или крайне вероятными.

Многие люди вообще не понимают, как можно из ложных теоретических построений выводить работающую практику, но они забывают, что практика не выводится из теоретических построений, а вырабатывается методом многочисленных проб и ошибок. Конечно, можно привести ряд примеров, когда теория подтолкнула к открытию практики или, когда некоторые теоретические модели (а модели – не суть теории) позволили описать параметры, необходимые для практики. Тут важно обратить внимание на то, что к математической модели можно прийти без теории. И для большинства ученых людей это большой сюрприз.

В системе мифологических представлений о всемогущей богине науке есть свои полубожественные герои, которые совершают подвиги не силой, а умом. Их чаще всего свойственно оправдывать и разные мировоззренческие лагеря пытаются перетащить ту или иную мифологическую персону в свой лагерь. Например, научные атеисты (то есть чи-

стые сциентисты) нередко придумывают какие-то скрытые атеистические убеждения у ученых классического периода, большинство из которых, как мы знаем, были верующими (теистами или деистами). Научный миф, самый сильный из мифов, пытаются переплести со своим собственным мировоззрением, чтобы облагородить последнее.

Тема научного мифа переплетается с темой сакрализации науки и ученых. Они сами предстают перед собой в сказочном свете. Они видят себя критически мыслящими, скептиками, спасителями мира, а обыватель их буквально боготворит. Ученый оказывается помощником во всех делах и главным двигателем технического прогресса, даже если он и руки не приложил ни к какой технологии. В кино ученых показывают бравыми эрудитами, которые на ходу могут конструировать удивительные устройства. Но ведь ученые и инженеры – это довольно разные люди. Ученые часто плохо знакомы с инженерией, а инженеры довольно поверхностно понимают науку. Как в сознании создателей кино уживается идея о том, что учёный может на базе своих теорий создавать новые технологии буквально сразу и без привлечения целых институтов и лабораторий – непонятно. Чем в кино занимается священник? Читает молитвы и проповеди, а также морализирует – всё как в жизни. Иногда киноделов заносит, и они рассказывают о всевозможных непотребствах, совершаемых священниками с детьми и прихожанками. Чем в кино занимается философ? Обычно это беспомощный балабол, рас-

суждающий о каких-то непрактичных вещах.

Ученый в медиа не такой. Ученый – супергерой, который может буквально всё. Никто ведь не будет рассказывать о том, как ученые совращают студенток и студентов в университетах, хотя это довольно распространенная ситуация. Никто не будет рассказывать о том, как ученые совершают глупости или категорически ошибаются за пределами своей специальности. Мало кто показывает настоящего ученого без купюр, потому что настолько сильна мифология науки, а вот мифы о философах (по типу Фауста) или благородных и могущественных священниках уже давно ослабли и перестали оказывать влияние на население.

Удивительно, но ведь большинство думает, что наука выступает против мифа. Для большинства людей наука и миф – это вещи противоположные. Но фактически в наши дни ни одно мировоззрение не располагает такой сильной мифологией, как научное. Наука – богиня. Ученые – святые. Научпоперы – миссионеры. Университеты – храмы. Но на всё это нельзя обращать внимание. Необходимо отрицать собственную веру и повторять, подобно мантре, формулу критического мышления и сомнения, не критикуя и не сомневаясь. Сейчас принято рассуждать по методичке[15], которая составлена сциентистами, но при этом верить в собственное неве-

[15] Подразумевается, что методичка – это набор книжных формулировок, которые люди не задумываясь заучивают и воспроизводят. Получить доступ к «методичке» можно не только через книги, но и через общение с другими сциентистами, которые начитались других сциентистов.

рие[16], а также рассуждать о собственном сомнении. Такое положение дел можно назвать карго-культом по отношению к античному скептицизму. И самая большая проблема заключается в том, что все выше перечисленные аспекты очень часто характерны не только для обывателей, но и для людей образованных и учёных.

[16] На эту тему у меня есть статья «Страх Веры», в которой рассказывается о том, как слово «догматик» стало почти ругательством, а слово «вера» обрело очень негативные коннотации, а потому человек по отношению к себе старается не использовать их.

Параграф 7. Эпоха тотальной наивности

Современное общество наивнее обществ прошлого, потому что нас вынудили верить в постоянно проигрывающий и проваливающийся научный проект, да еще и верить так, чтобы мы отрицали сам факт того, что мы верим. Христиане прямо осознают, что они лишь верят, а не знают. В этом плане их степень наивности меньше, чем у современных людей, потому что претензия к степени знания (доказанности истины) значительно ниже. Очевидно, что «знающий» претендует на большее, чем верящий, а потому в случае ошибки или недостаточной доказанности своих убеждений он оказывается наивнее верящего.

Но начнем по порядку. С распространением мифа о критическом мышлении для многих стало неприемлемым казаться некритичными и верящими. Даже христиане в современном мире пытаются казаться критичными. Критическое мышление для подавляющего большинства – это не набор компетенций, а способ казаться прогрессивным, не отстающим от времени.

Критическое мышление — это процесс активного и рефлексивного анализа информации и идей. Оно включает в себя оценку аргументов, выявление предубеждений и фор-

мулирование собственных выводов. Критическое мышление — это навык, который можно развить с помощью практики. Вот несколько примеров, которые показывают использование критического мышления:

●

«Задавайте вопросы: когда вы сталкиваетесь с новой информацией, задавайте вопросы, чтобы понять ее».

Только есть нюанс: я могу задаться вопросами о самом критическом мышлении. И меня эти вопросы уже будут отталкивать от критического мышления. Более того в обществе «критически мыслящих» абсолютно не принято задавать вопросы специалистами и исследователям. Ученый здесь свят по праву специалиста. Этот принцип легко сдается перед наукой.

●

«Будьте скептичны: не принимайте на веру все, что вы слышите или читаете».

Но если вдруг я буду сомневаться в критическом мышлении или науке? Тогда сообществе критически мыслящих сочтет тебя сумасшедшим мракобесом. Ведь это именно так и работает в реальности. Сомневаться можно только во всем ненаучном, а будешь сомневаться в науке – то тебя начнут воспринимать негативно. Очень удобно, когда «критическое мышление» направляется куда угодно, но не в ядро твоей собственной веры.

●

«Сравнивайте и сопоставляйте: сравнивайте информацию из разных источников, чтобы получить более полное представление о предмете».

Только вот источники, основанные на науке, будут куда более достоверными, даже если ученые очевидно перепутали все термины и напрасно провели исследование по теме, в которой ничего толком не смыслят. А такое периодически происходит. Да и источников разных относительно исследовательской деятельности у нас очень мало, потому что наука уничтожила многочисленные альтернативы.

●

«Оценивайте доказательства: думайте о том, являются ли доказательства убедительными и надежными».

Притом убедительность доказательств будет определяться их научностью. Опять же, очень удобно, когда твоя система является центром всех «надежных» и «убедительных» решений.

●

«Формулируйте свои собственные выводы: не просто принимайте выводы других людей».

Только, очевидно, если эти выводы не будут совпадать с научными, то их ценность резко падает.

Как легко убедиться на практике, все каноны критического мышления не работают, когда речь касается науки и результатов научной деятельности. Науку нельзя подвергать сомнению, нельзя формулировать выводы, отличные от на-

учных. Да и оценивать доказательства нужно по-научному.

Наука у современного человека вызывает ощущение тотального доверия. Большинству людей достаточно сказать «наука доказала», «это научный консенсус», «так считает профессор с 20-летним стажем», чтобы убедить в чём-то. Многие даже разбираться в теме не будут. Если профессор скажет, что головная боль лечится ударами о стену, то они так лечить и будут. Это ли не эпоха тотальной наивности, притом прикрытая лицемерным суррогатом критического мышления? И было бы куда лучше, если бы человек признавал себя наивным и доверчивым, но сейчас принято казаться критическим и сомневающимся, даже если это совершенно не так. Да и общество требует от человека, чтобы он, не сомневаясь в науке и не критикуя её, признавал в себе критика и скептика. Это серьезный самообман, который в значительной мере ухудшает качество мысли многих людей.

Все же с наивным человеком, признающим свою наивность, спорить значительно проще. Куда хуже, когда вам попадается очередной наивный адепт критического мышления, считающий себя гением и борцом за научное просвещение. Он говорит, что надо во всем сомневаться, а потом с абсолютной уверенностью закидывает вас именно научными статьями и отстаивает свои догматичные тезисы.

Мне могут сказать, что всё же есть люди, которые доверяют науке не просто так, а после знакомства с многочисленными материалами. Давайте попробуем разобрать дру-

гие группы людей. Выше был обозначен уровень наивности человека, который не умеет работать с материалом вообще. Впрочем, в учебных учреждениях учат читать книги по теме и цитировать статьи. Для большинства людей из оставшихся список статей может заканчиваться пятью-десятью экземплярами. Это мы видим на примере многочисленных научных блогеров без степени. Они обыкновенно ссылаются на некоторое количество статей, думая, что при этом все доказали. Но, очевидно, что материалы отобранных статей могут оказаться ошибочными. Порой бывает так, что исследования по одной и той же теме дают противоположные результаты, а потому ограниченный набор научных статей и книг может ни о чём не говорить. Осторожность здесь бы не помешала. При большой неудаче или ненамеренном желании отстоять ту или иную позицию мы можем собрать статьи с конкретным результатом, проигнорировав или недооценив противоположные результаты, которые могут оказаться верными[17].

Важно помнить, что многие исследования проводятся спустя рукава, а некоторые даже проплачиваются корпорациями, которым выгоден конкретный результат. Впрочем, не следует упускать из вида и возможные ошибки исследователей, работающих прилежно. Не наивно ли доверять некоторому набору научных статей? Наивно. Но, вы скажете, нет

[17] Черри-пикинг (англ. cherry picking, досл. «сбор вишен») — это логическая ошибка, которая заключается в выборе только тех фактов или данных, которые подтверждают вашу точку зрения, и игнорировании тех, которые ее опровергают.

ничего лучшего для неспециалиста, чем доверять тем или иным «надежным» источникам и избегать те источники, которые не доказали свою надежность. Когда речь касается медицины и технологий, я готов согласиться, потому что, как не посмотри, такие практические области легко поддаются оценке. Практику легко оценивать по уровню эффективности. Впрочем, я бы не переносил то же самое доверие на области более теоретические, потому что от решения теоретических проблем не изменится конкретно ваша жизнь и одновременно с этим стандарты и возможности подтверждения теории крайне низки. Не следует переносить уверенность в результатах одного рода исследований (исследований практических) на исследования иного характера.

И тут мне могут сказать, что все более высшие ступени невозможно охарактеризовать как наивные, потому что там люди действительно собирают информацию и анализируют её, но я, как и положено, замечу, что большинство из оставшихся преимущественно читает книги, а не проверяет опыты. Как в книге написано, так для человека оно и есть. В лучшем случае человек может взять большой набор литературы по теме, а после проанализировать его и занять определенную сторону, которая ему кажется более правдоподобной. Но гарантирует ли это истинность? Нет. Он читает научную литературу, которую считает самой объективной и лучшей. Его вера в науку довольно велика. Но это тоже крайне наивно, потому что нет никаких доказательств тому, что

наука вообще может достичь истины по тому или иному вопросу. Речь, как вы понимаете, идёт не столько об эффективности тех или иных практик, так как в этом вопросе и речи не идет об истине, а только лишь о феноменальном мире и способах его оценки. Мы говорим про реальную науку, создающую картину мира с естественным отбором, законами природы и прочими недоказуемыми научными выдумками [18]. Очевидно, что люди, доверяющие учёным, крайне наивны. Они без каких-либо серьезных оснований верят в тексты науки, анализируют их, поклоняются научному сообществу и трепещут от его авторитета, при этом, в отличие от христиан, не осознавая собственной веры и подчиненности идолам.

Последним рубежом обороны наших соперников будут сами ученые. Они-то исследуют проблемы, а после делают выводы! Впрочем, и это не так уж и просто. Ученый – высококвалифицированный чтец специальной литературы. Большей части прочитанного он вынужден доверять и не может этого проверить, потому что у него просто не хватит на это времени. Он доверяет своим коллегам и всей научной системе в целом, даже если она строится на ложных методологических предпосылках[19]. Даже в рамках своей узкой специальности он вынужден в основном читать, но не проверять.

---

[18] Об их недоказуемости мы поговорим позже. Как вы понимаете, сначала мы обрисовываем проблему.

[19] А мы тем временем напоминаем, что базисные положения науки по типу «естественной установки» недоказуемы и крайне сомнительны.

Каждый ученый за всю свою жизнь может серьезно исследовать не такой уж и большой объем проблем и, тем более, провести хоть какие-то опыты. Почти каждый ученый находится в состоянии тотальной наивности, если доверяет абстрактным выводам науки. Ученый постоянно подчиняется авторитетам и верит в те или иные положения. Он не всезнающий сверхчеловек, владеющий абсолютной методологий. Это обычный офисный работник, который действует по вполне отточенному догматическому алгоритму. А потому в науке очень мало места для мышления.

Мы живем в наивном обществе, в котором немыслящие офисные работники в сфере познания, могут вещать свои натуралистические взгляды, практически не сталкиваясь с критикой. Любая критика будет остановлена авторитетностью величественного учёного, который почти наверняка исповедует ложные взгляды. Сомнение в науке никогда не было так мало, но люди прикрывают свою догматичность наигранным скептицизмом и ничтожным критическим мышлением, которое в конечном итоге не означает ничего. Ты должен наивно читать тексты привилегированной группы людей – вот и всё критическое мышление. Ты должен освоить стандартные методы произведения выводов – вот и всё критическое мышление. Это слишком наивно и просто, а также крайне догматично. Люди так легко подсаживаются на эту уловку современности, что это кажется даже странным, а потом наивный и обманутый атеист обвиняет верующего в глупости,

хотя верующий нередко осознает, что он всего лишь верит, а не знает, а вот атеист не осознает и этого. Наивные сциентисты перемешивают факты, феномены, теории, гипотезы – для них всё это в равной степени свидетельство могущества и знания науки.

Все это наивно, то есть неискушенно, непосвященно, бесхитростно. Большинство людей вообще не думают о науке с позиции сомнения и критики. Люди не критикуют основные положения науки. Религии и философские течения довольно часто подвергаются фундаментальным атакам, а наука с очевидными методологическими проблемами этих атак чаще всего избегает. Например, очевидно, мы не можем быть на сто процентов уверены, что живём исключительно в естественном мире и не существует никаких метафизических сил, симуляций или естественных обманщиков. Но для ученого на этом положении строится вся наука. Только так и можно постулировать хоть какие-то законы природы и рассуждать об эволюции. И это относится не к одному положению, а к целой группе, которую мы разберем позже.

Удивительно, что хватило такой нелепой хитрости, в рамках которой тотальный научный догматизм и идолопоклонничество называются скептицизмом и критическим мышлением. Это смогло убедить людей. Вероятно, они не очень сопротивлялись. Моды на ложное сомнение и догматическое критическое мышление привели к тотальному зомбированию населения. Это в очередной раз позволяет понять, что

со Средних веков человек мало изменился. Он остался таким же идолопоклонником, любителем авторитетов, любителем подчинять своё мышление другим. Научное же сообщество – отличный пример того, как огромное количество офисных работников пытаются казаться интеллектуалами и знатоками по многим вопросам, нередко включая вопросы религии, политики, философии, устройства общества и всего остального. Как ни странно, для многих сциентистов позиция их научного кумира-биолога за пределами его специальности будет куда более ценной, чем позиции специалиста по философии, культурологии, социологии или религии. Впрочем, как я уже и говорил выше, тезисы специалистов могут оказаться неверными, несмотря на их специальность, но в данном случае сциентисты часто проявляют двойные стандарты, что в очередной раз подчеркивает их наивность.

Параграф 8.
Эффективность науки

Как вообще решить, какая методология более эффективная? В области практики довольно легко. У нас есть несколько способов решения от самых простых до более сложных тестов, потому что практика — это нечто, происходящее на уровне феноменов и учитывающее наши собственные пожелания. Основное свойство практики заключается в том, что она решает некоторую субъективную задачу в рамках данных нам феноменов. Практика не претендует на истину и истины в ней нет. Практика не отвечает на вопрос, почему камни падают вниз с той или иной скоростью или ускорением. Практика не отвечает на вопрос, почему то или иное лекарство лечит. В рамках практики вы просто используете феномен падения или нужную таблетку. Все это сотни раз проверялось в конкретных опытах. Например, в двойном слепом тестировании. И все это, конечно, наукой не является и к науке не имеет никакого отношения. Практика существовала задолго до возникновения научного метода и всегда были способы её оценки, которые со временем прогрессировали. И даже метод двойного слепого исследования по форме своей не похож на научный, потому что толком не фальсифицирует практику, а позволяет выяснить степень её рабо-

тоспособности. Наука не выясняет степени работоспособности в рамках феноменального мира. Это не её задача. Наука занимается познанием, а вот эффективность той или иной практики к познанию и объяснению тех или иных феноменов никакого отношения не имеет.

Другой вопрос куда важнее: как решить, какой из познавательных методов эффективнее? Какой критерий? В практике основным критерием является субъективное исполнения нашего пожелания (или пожелания большой группы людей), что вполне можно учесть и продемонстрировать. У познавательной методологии самым важным критерием могла бы стать истина сама по себе, но тогда для оценки заявленной методологии мы заранее должны были бы знать истину, чего мы не знаем. Следовательно, мы не можем определить эффективность познания по главному критерию — по истине. А все остальное — шелуха.

Предсказание будущих грядущих фактов — ничего не гарантирует в познании и не гарантирует правильного описания. Фальсификация — не гарантирует, что отобранные опровержениями теории будут хотя бы приближаться к истине. Практические следствия — тоже ничего не значат, потому что в истории человечества много раз случалось такое, что теории мы придерживались ложной, а практические следствия были устраивающими нас (например, теория Ньютона)[20].

[20] Сейчас, конечно, могут набежать безумные физики, которые начнут расска-

Если под критерием эффективности понимать подробность, аргументированность и проработанность той или иной системы "знаний", то, конечно, наука впереди, но только за счет того, что в рамках науки работают миллионы специалистов, которые занимаются проработкой и аргументацией. Мы не знаем, несколько были бы проработаны религии или философские школы, если бы в их рамках существовало такое же количество интеллектуалов. Вопрос о познавательной эффективности кажется на первый взгляд совсем нерешаемым, а взятие за аксиому эффективности науки — лишь показывает, что сциентисты — это совсем уж наивные и оголтелые догматики, которые не могут понять простейшую когнитивную проблему.

Кто-то может заявить, что достоверным критерием эффективности познания будет эмпирический опыт, но мы можем сомневаться в этом. Во-первых, эмпирический опыт может быть не связан с истиной. Каким образом? Допустим, благодаря симуляции [21]. Впрочем, эмпирический опыт может

зывать о том, что «модель» механики Ньютона используется до сих пор. И, получается, Ньютон не опровергнут. Это довольно стандартное возражение от людей глупых и немыслящих. Во-первых, мы говорим именно о теории Ньютона, то есть о тех физических представлениях, которые у него были. Это и есть теория Ньютона. Во-вторых, если эта теория была фальсифицирована, а она была фальсифицирована, то эта теория является ложной. И она не может быть чуть-чуть ложной. Если она была опровергнута, то является просто ложной. Это не предмет, который в принципе можно оспаривать.

[21] Достойных опровержений симуляции пока что не было. Только рука интеллектуального инвалида Мура и попытки через «Пугало» проинтерпретировать

быть настолько сложным и запутанным, что дать какую-то его исчерпывающую трактовку не представляется возможным, а потому точно увязать его с истиной не получится. В целом, так я себе и вижу мир. Эмпирического опыта довольно много, он на фундаментальном уровне это ни на что не указывает, и существуют фантазёры учёные, которые придумывают свои фантастические натуралистические теории и создают недоказанную научную картину мира.

Кроме-того, Дэвид Юм довольно неплохо сформулировал проблему индуктивного познания. Если мы встретили сто белых лебедей, то это не означает, что и сто первый окажется белым. Из неполной индукции следуют лишь вероятностные выводы. Проблема науки заключается в том, что индукция в ней всегда является бесконечно неполной, потому что наука делает выводы не только о конкретных предметах, но о законах и устройстве самого мира, а потому это устройство включается в себя существующее и возможное. Возможного – бесконечно много. В целом, в рамках научного исследования подразумевается, что и на возможное тоже распространяются те же законы, что и на существующее. Ввиду этого весь научный опыт по любому теоретическому вопросу можно обозначить единицей, а весь возможный опыт – бесконечностью. Интересно, насколько вероятны наши выводы из этой единицы, если мы будем противопоставлять её бес-

---

концепцию симуляции, что в глазах опровергающих приводило нас к противоречию.

конечности? Вероятность $1/\infty$, как мне кажется. Такова вероятность того, что теория эволюции является истинной. Такова вероятность того, что стандартная модель является истинной.

Вам всё ещё кажется, что эмпирический опыт – это отличный критерий для получения строгого теоретического знания? А вы уверены в том, что верно трактуете эмпирический опыт? Может быть, ваша трактовка заведомо ложна и ангажирована существующими теориями (их языком и логической структурой)? Эмпиризм довольно проблемен и неэффективен, когда речь касается познания. Проводить эмпирические опыты для развития практики, кстати, может быть довольно эффективно, потому что всевозможные эксперименты и наблюдения могут привести к открытию новых технологий, но это к науке и познанию не имеет никакого отношения.

Непротиворечивость является критерием истины? Тогда как вы оцените рассуждение по типу: все коты – это киты; все киты – это пузыри; все коты – это пузыри; Вася – кот; следовательно, Вася – это кит и пузырь. Это не просто набор слов. Это набор непротиворечивых высказываний. Является ли он истинным? Очевидно, нет. Теперь представим себе, что мы сравниваем наши положения с уже имеющимися «знаниями» на предмет непротиворечия. Новая теория или представления не должны противоречить всем прочим, но вполне может оказаться, что все наши имеющиеся «знания»

на деле только лишь верования. Возможно, все наши воззрения в корне ошибочны, а мы теперь ещё и обязаны подгонять под них наши новые догадки.

Фальсификация по понятным причинам тоже не является критерием истины и приближения к ней. Мы можем создавать такие теории, которые имеют возможность быть опровергнутыми, но это никак не говорит нам о приближении к истине, так как истина может оказаться принципиально нефальсифицируемой. А мы ведь этого заведомо не знаем. Представьте, что у нас есть бесконечное множество потенциальных фальсифицируемых теорий и потенциальных нефальсифицируемых теорий. Если истина находится на стороне нефальфицицируемых теорий, то от количества опровергнутых предположений мы к ней не приблизимся. Если истина находится на стороне фальсифицируемых теорий, чего мы заведомо не знаем, то каждая опровергнутая теория будет описываться формулой $\infty - 1$, что не похоже не приближение к истине.

Можем ли мы допустить, что фальсифицируемых и нефальсифицируемых теорий конечное количество? Сложно представить, что их конечное количество. К любой теории на любом этапе мы можем прибавить новый элемент. Кто-то возразит, что мы оперируем конечным количеством слов и образов, а потому количество потенциальных элементов может оказаться конечным. Даже если оно конечно, то невероятно велико. Комбинации всех элементов, особенно

если нам важен порядок их расположения в системе, будет измеряться такими числами, о существовании которых большинство людей даже не подозревает. Впрочем, ничто не гарантирует того, что к любому числу элементов мы не сможем прибавить ещё один, а потому и следует говорить о бесконечности или потенциальной бесконечности. В любом случае, речь идёт о неисчислимом количестве потенциальных теорий, на проверку которых не хватит всего времени Вселенной.

Думаю, сомнительность Бритвы Оккама обсуждать не имеет смысла. Это лишь эстетический принцип ограничения наших предположений и организации научной деятельности, чтобы она двигалась от простых предположений к более сложным. Явно, сам этот принцип в чистом виде не позволяет нам отыскать истину.

Теперь перейдем к главному. Кто-то скажет, что критериями познания являются все вышеперечисленные аспекты одновременно. И здесь у меня имеется довольно очевидно возражение. Если мы владеем $1/\infty$ опыта по отношению ко всему возможному опыту, который только можно было бы себе вообразить и испытать, а количество непротиворечивых теорий равно ∞, при этом количество фальсифицируемых или нефальсифицируемых теорий тоже бесконечно или, как минимум, к бесконечности стремится, то какие же это критерии? Мы всякий раз упираемся в потенциальную бесконечность или же в числа таких масштабов, которые нам трудно

осмыслять и оценивать. Невозможно с помощью бесконечно неполной индукции выбрать из бесконечного количества непротиворечивых фальсифицируемых теорий ту, которая в большей степени соответствует истине (я уже не говорю про полное совпадение). А что насчет предсказания будущих открываемых фактов? Мне видится, что мы можем создать неограниченное множество теорий, которые потенциально смогут предсказывать будущие факты. Например, для предсказания того, что будет найдена окаменелость живого существа, промежуточного между рыбой и амфибией далеко не обязательно придерживаться теории эволюции. Мы можем вообразить бесконечное множество теорий, которые могли бы предсказать этот факт. Также мы заведомо знаем, что теории, хорошо предсказывающие факты, всегда могут оказаться ложными, как это было с теорией Ньютона. В таком случае оказывается крайне затруднительно достоверно опознать даже приближение к истине. Представьте себе бесконечный лабиринт с одним единственным выходом. Как вы можете быть уверены в том, что приближаетесь к выходу? То же и с теорией познания. О какой эффективности речь?

Параграф 9. Научная монополия на познание

Ввиду принципиальных трудностей в подтверждении эффективности научной познавательной методологии, мы приходим к теме монополии науки. Мне кажется, что в контексте озвученных положений и тех положений, которые будут озвучены во второй половине книги, очевидно, что наука обладает незаслуженной монополией на познание, а также колоссальным авторитетом, который следует из этой монополии. Этот авторитет и монополистичность позволяют создать вокруг науки и ученых полноценный культ, в рамках которого мы можем столкнуться даже с безумными религиозными фанатиками, вредящими инакомыслящим[22]. На меня, например, сцинетисты не единожды писали всевозможные заявления в полицию, угрожали мне, а также распространяли всевозможную клевету в мой адрес.

Монополизм науки заключается в том, что она проникла

---

[22] Я определяю фанатизм через стремление навредить инакомыслящим, ибо для меня именно это демонстрирует тотальную и безоговорочную веру человека в своих убеждениях. Притом под вредом я понимаю не только физический вред. Это может быть вред психологический, финансовый или социальный. Фанатик наносит своим идеологическим соперникам урон довольно разными способами, но самая главная его черта – это желание навредить человеку из-за его мировоззрения. И я немало видел вредителей от науки, атеизма, логики и рационализма.

во всеобщее образование от школы до высших учебных заведений. Наука несправедливо смешивается с практикой и в рамках современного мира мы часто рассуждаем о «научно-техническом» прогрессе, как будто бы это не просто косвенно связанные вещи, и словно из научных теорий и размышлений напрямую следует изобретение технологий. Мы часто не задумываемся о том, что у науки есть монополия на моделирование и математику, которые тоже не являются науками как таковыми. Более того, у науки есть монополия на сложные эмпирические опыты и технологии, которые позволяют их проводить. Все эти вещи так тесно срослись вместе, что кажутся для обывателя и даже ученого неразделимыми. Более того, наука производит миллионы специалистов, которые служат ей и вырабатывают «знание» в академических фабриках. Ни одно направление мысли и ни одна религия не способны подготовить такое количество высокоспециализированных кадров, но не потому что они глупые, недостойные и неспособные, а потому что популярность науки и её финансирование в сфере познания многократно превосходят суммарные возможные затраты всех религий и философских течений вместе взятых.

Может быть, христианство само по себе зарабатывает немало денег по всему миру, но какое количество этих средств идёт в семинарии? Сколько из этих средств идут на исследование и подготовку специалистов, скажем, в области креационистической биологии, которая вынуждена на дан-

ный момент обходиться в основном любителями? Ответ очевиден. Цифры здесь несопоставимы с научными.

Наука может позволить себе содержать своих самых верных адептов, ученых. Наука гарантирует им высокий социальный статус, а в развитых странах высочайшую заработную плату. Более того, работа ученых не представляет собой нечто травмоопасное. Большую часть времени большинство исследователей просто читают и выполняют какие-то простейшие операции, а также пишут стандартные документы, статьи и лекционные материалы. Не удивительно, что многие ученые стараются работать до глубочайшей старости, когда представители большинства других профессий предпочитают уйти на пенсию.

Какой бы чепухой не занимался ученый, у него всё равно имеется неплохой социальный статус и уважение от общества, чего нельзя сказать о, например, философах. Тем более, если речь идёт о настоящих философах, то есть современных Платонах, Гегелях, Кантах и так далее. Такие практически не представлены в академической среде. Им не платят заработную плату. Их не спонсирует государство. Социальный же статус подобных мыслителей чаще всего крайне низкий. Их считают сумасшедшими балаболами и шарлатанами. Так сейчас обходятся с мыслящими людьми. И во многом это заслуга науки и всевозможных «просвещенческих» движений, которые выступают за тотальную доминацию науки в области познания.

Что такое монополия науки на познание? Давайте проведем различие между физикой или биологией как дисциплинами и физикой и биологией как науками, а разница существует! Под дисциплиной я здесь понимаю сферу исследования, в рамках которой мы не прояснили ту методологию, которую будем использовать. В большинстве дисциплин общественного и гуманитарного характера нет единой методологии, а потому развиваются разные школы и походы. Физика как дисциплина – это, например, натурфилософия, в рамках которой можно было рассуждать о физических проблемах, не ориентируясь на научные методы. То же и с биологией. Физика и биология становятся науками только тогда, когда они начинают использовать научный метод и ориентироваться на естественную установку.

Так вот, монополия науки заключается в том, что в современном мире невозможно исследовать физику, биологию, химию и прочие дисциплины ненаучно, не подвергаясь при этом авторитетной критике научного сообщества, которому безоговорочно доверяют люди. Ученые и сциентисты считают, что физикой могут заниматься только учёные, как, собственно, и другими естественными дисциплинами, а все прочие подходы к данным областям являются заведомо ущербными и неэффективными. С эффективностью, мне кажется, мы уже разобрались. Эффективность науки как метода познания, кажется, стремится к нулю. А вот убеждение в заведомой ущербности кажется мне чисто религиозным арте-

фактом в рамках сциентического сообщества, благодаря которому мы можем с очевидностью зафиксировать сакральный характер науки.

Наука доминирует в познании в наши дни, а многие уверены в том, что никакие альтернативные методы не могут и не смогут её заменить. Я соглашусь с тем, что современная наука создала самую полную и исчерпывающую картину мира за всю историю человечества, но это не заслуга научной методологии и её положительных качеств. Это заслуга столетий работы огромного количества людей. Говорить, что сравнимые с научным подходы невозможны – мне видится крайне поспешным. Как мне кажется, почти любая философская школа и религиозное направление, включая секты, имея те же ресурсы, что и наука, и используя их для развития познания, смогла бы добиться если не таких же, то довольно достойных результатов. Впрочем, я не исключаю, что могут быть найдены более полные, существенные и значительные методологии. Может быть, они уже существуют, но малое количество их сторонников мешает доказать их эффективность. Монополия науки мешает развитию этих учений и течений[23].

Важно помнить, что исторический прецедент науки уникален. То есть человечество буквально один раз за всю ис-

[23] Как мешает? Конкуренцией, конечно. Важно не забывать, что познание – это конкурентная среда, где у одних (ученых) есть всё, а у других – ничего. Кому-то соц.статус и финансирование, а кому-то жалкие гранты за издание книги по Хайдеггеру.

торию начало выделять такие денежные и человеческие ресурсы на познание и распространять догмы данного способа познания по всему миру с помощью всеобщего школьного и высшего университетского образования[24]. Наивно полагать, что научный подход – это единственный подход, который при подобном обилии благ мог бы достигнуть соответствующих результатов. Мы буквально один раз попробовали, один раз что-то получилось, а после этого люди делают странные выводы о том, что только так оно и могло получиться. С другой стороны, продуктивная философия подарила нам многочисленные методы, картины миры, социальные институты, направления искусства и саму науку, но по какой-то причине её спонсирование уступает научному многократно.

На всякий случай отмечу, что не являюсь радикальным антисциентистом, которые жаждет уничтожения науки и научного метода познания. Более того, я даже не являюсь сторонником революционных перемен в области познания. Я

[24] Подобных прецедентов буквально никогда не было. Мы, люди, впервые попробовали что-то подобное, и оно получилось. Представим себе необозримое количество разных учений и попробуем предположить, какая на самом деле была вероятность успеха. Если все эти учения и течения ничего не стоят в контексте познания, то из такого массива угадать верный подход очень маловероятно, но мы справились с первого раза! Для меня это говорит о том, что вероятность успеха была не так уж и мала. Более того, эти факты показывают мне, что объем подходящих для развития учений крайне велик. Иначе, получается, что человечество просто выиграло «джекпот» без каких-либо на то оснований. Это очень маловероятное событие.

плюралист. Я за то, чтобы дать другим направлениям мысли и методологиям шанс, при этом не уничтожая саму науку, которая на данный момент находится на вершине познавательного Олимпа. Более того, если бы у меня была возможность вводить какие-то реформы, то борьбу с монополией науки я бы проводил крайне медленно. Резкие перемены могут привести к краху академической системы, а потому необходимо постепенно внедрять философию в школьное образование, организовывать подготовку специализированных кадров, разбирающихся в тех или иных научных дисциплинах, но не являющихся учёными. Все это нужно делать постепенно и с минимальным ущербом научному сообществу. Также важно иметь возможность в любое время свернуть наши эксперименты по подготовке специалистов, если вдруг окажется, что мы зайдём в тупик. Я сторонник очень острожных преобразований, который не требует сжигания ученых на кострах или полного лишения их финансирования. Я экспериментатор в области доксологии, то есть исследования мнений. Мне интересно посмотреть на то, что будет, если мы попытаемся развивать и финансировать другие философские и религиозные течения, а не только науку. В качестве основного последствия данных экспериментов я предвижу лишение науки познавательной монополии, что позволит создать ряд мировоззренческих дискурсов, которые в дальнейшем будут обогащать нашу культуру.

Сциентисты довольно часто предлагают выбросить за

борт религию, а ещё большее их количество желает уничтожить никому не нужную, но такую полезную, философию. Они не хотят возникновения новой «науки» с совершенно иной методологией. Они не хотят достойной конкуренции. Они настолько высокомерны, что даже не предвидят возможности появления достойного конкурента. Да, наука сейчас находится вне конкуренции, но с чего они взяли, что конкурентов и быть не может?

Мнение адептов науки о самой науке превышает рациональные границы. Они не готовы экспериментировать и подвергать науку сомнению. Они выступают против плюрализма, потому что глубоко презирают своих оппонентов. И как же они объясняют монополию науки? Как же они убеждают нас в том, что наука заслужила своё положение? По мнению многих сциентистов наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе.

Параграф 10. Наука победила другие направления в честной эволюционной борьбе?

Этот аргумент является, как по мне, наиболее показательным, чтобы продемонстрировать уровень огромного количества сциентистов, среди которых мы встречаем довольно образованных людей. Этот аргумент не подтверждается историческими фактами, а также, даже если бы подтверждался, то не говорил бы о том, что победило «сильнейшее» или «самое эффективнейшее» направление.

Начнем с конца. Вероятно, мы можем применить метафору эволюции для того, чтобы описать «жизнедеятельность» мнений и философских подходов. Я, конечно, сомневаюсь в уместности такой метафоры, но мы попробуем согласиться с данным утверждением. Следует ли из него, что победило «сильнейшее» или «самое эффективное в познании» мировоззрение? Нет. Выживает не сильнейший и эффективнейший, а наиболее приспособленный. Более того, огромное количество довольно примитивных живых существ плодится и размножается намного эффективнее, чем сложные организмы, воспроизведение которых требует длительного времени, а довольно незначительные изменения в среде могут привести к полному вымиранию того или иного сложного

вида. Эволюция не так уж проста и справедлива, а, скорее, сложна, безжалостна и во многом хаотична. Она не пестует сложность, совершенство, силу, эффективность. В некоторых условиях маленькое и слабое создание, обладающее соответствующими характеристиками, подходящими под данную среду, выживет, а большая и сложная тварь – вымрет. Эволюция не гарантирует нам постоянного и непрерывного развития. Она вполне может допускать деградацию. Если мы применяем метафору эволюции к процессу отбора мнений, то у нас нет никакого обязательства признавать, что наука была лучшей, является лучшей и, тем более, будет лучше и в будущем. Может быть, наука – это паразит? Может быть, это несовершенный организм, который выжил благодаря изменением среды, потому что, например, мог переносить высокое содержание углекислого газа в атмосфере [25]. И так далее.

Основная проблема заключалась в том, что наука никогда особо и не участвовала в «естественном» отборе мнений. У нее особо и не было конкурентов. Если бы наука зародилась в Античности, то она бы столкнулась с сопротивлением со

[25] А ведь, видимо, как-то так оно и произошло, потому что именно наука среди всех прочих учений, возникших в Новое время, была наиболее приспособлена к христианской религии. Ученые редко лезли в интеллектуальные битвы против религиозных фанатиков и нередко имели достаточно высокое положение в обществе, а иногда даже были представителями церкви. Наука победила не столько эффективностью и силой, сколько приспособлением к окружающей христианской среде, и только ближе к XX веку окрепшая наука стала давать отпор религии. До этого сражались в основном разные философы, многих из которых преследовали и заставляли молчать.

стороны доминирующих платоников, перипатетиков, киников, скептиков, стоиков, эпикурейцев и многих других. Вот это была бы конкуренция! Впрочем, научная методология возникла при довольно оптимистичных расчётах в XVII веке. Античные философские школы были стерты с лица земли на долгое тысячелетие. Некоторой реанимации до эпохи Возрождения подвергались труды Платона и Аристотеля, но даже их христианские мыслители трактовали в ключе своей религии. У христианства не было серьезных оппонентов. Их политически вычистили к началу Средневековья. Еретические объединения никогда не представлялись серьезной силой, сравнимой с самим христианством, а потому убеждать их приходилось не только путём диспутов и миссионерских набегов, но и средствами инквизиции. Я не хочу сказать, что христиане буквально убивали и пытали всех инакомыслящих и делали это в больших размерах. Я хочу сказать, что существовал определенный орган, который одним своим бытием внушал страх, а также мог использовать всевозможные методы запугивания, включая угрозы пытками и убийством. О разнообразии позиций и методов, конечно, можно говорить, но, очевидно, что мировоззренческая составляющая Средневековья была едина, а методологии подчинялись христианству.

К слову, нужно вспомнить несколько христианских философов, которых можно назвать предтече будущей науки. Прежде всего, это Роджер Бэкон, Роберт Гроссетест и То-

мас Брадвардин. Эти люди повлияли на формирование методологической традиции, в рамках которой эмпирические и рационалистические (прежде всего, математические) методы дополняли друг друга, а не противоречили. Следует напомнить, что в Античности философские школы довольно последовательно разделялись на эмпирические и рационалистические. Рационалистические (по типу платонизма) критиковали опыт и считали его источником заблуждений, а не познания. Эмпирические (по типу гиппократиков, киренаиков, номиналистов киников и отчасти эпикурейцев) либо полностью отрицали рационалистические методы, либо основательнейшим образом ограничивали их применение. Равноправное объединение рационального и эмпирического в рамках философии мы можем обнаружить сначала в рамках исламской, а после уже и в рамках христианской мысли.

Не исключено, что весь этот процесс взаимосвязан, поскольку без уничтожения Античных школ, большая часть из которых строго придерживалась одной из крайностей или скептически воздерживалась от суждений, формирование рационально-эмпирической идеологии было бы крайне затруднено. Мне думается, что сначала мусульмане, а потом христиане смогли объединить две эти крайности, потому что им, если честно, было плевать на те методы, которые они используют. И для христиан, и для мусульман, прежде всего, важно эффективно доказать и показать всем окружающим, что их Бог существует, а какими методами это будет достиг-

нуто – вторично. Если для того же Платона эмпирическое знание невозможно по определению знания[26], то для христианских мыслителей что эмпиризм, что рационализм – это лишь инструменты доказательства бытия Бога. Для Платона эмпиризм принципиально недопустимый способ познания. Для христиан – почему бы и нет?

Отмечу, что я лично для себя так объясняю первые попытки слияния рационализма и эмпиризма. Для меня это большая теоретическая проблема, которую я пытаюсь некоторыми методами решить. Здесь я не выступаю как историк философии, а лишь выдвигаю предположение, которое строится на ряде фактов.

Впрочем, не важно, каковы были причины слияния эмпиризма и рационализма в схоластическом дискурсе. Важно, что это направление продолжило развиваться, а это привело к появлению Коперника, а за ним уже Кеплера, Галилея и Ньютона. Можно также поднять тему Средневекового спора о гео- и гелиоцентризме, который хорошо описан в работах Николая Орема. Эти споры также предшествовали трудам Коперника, который далеко не первым даже в Средние века придерживался гелиоцентрической системы.

На данный момент нашего небольшого исторического обзора у предшествующего науке дискурса всё ещё нет достойных оппонентов. Речь уж точно не идёт о десятке хорошо

[26] Ибо оно должно быть вечным, а эмпирические объекты – уничтожаются. Потому знание о них невозможно.

проработанных философских школ с разной методологией, как это было в Античности. Да и чистым натурализмом вся эта протонаука пока похвастаться не может.

Для нас принципиальное значение имеет эпоха Возрождения, так как именно в это время были переоткрыты тексты философских классиков Античности. Это повлекло даже к возрождению некоторых философских школ (например, эпикурейства). Но анализ авторов показывает, что мыслители эпохи Возрождения всё ещё оставались зависимы от христианства, а те странные, мистические и философские взгляды большинство из них вписывало в христианскую топику. В это же время начинали творить первые учёные, всё ещё остававшиеся натурфилософами. И у них было несколько серьезных оппонентов. Например, Телезио и Парацельс. Алхимия и откровенная мистика правили тогда данной сферой. К сожалению, трудно сказать, что алхимики или мистики были достаточно хорошо организованны.

В последующие века предки современных ученых занимали университеты, и тогда у них почти не осталось конкурентов. Химики вытесняли алхимиков, физики – натурфилософов. И это трудно назвать каким-то естественным отбором по критерию достоверности методологии. Наука, как мне видится, пребыла на почти пустое поле с некоторыми «варварскими» образованиями. О какой-то серьезной конкуренции и речи не было. Кто первым бы организовал свою систему, не вызывающую при этом христианского гнева, тот

бы и победил в борьбе за сферу познания. В этой гонке наука смогла обогнать всех, но сложно сказать, насколько здесь была её заслуга. И если мы можем увидеть какую-то конкуренцию на раннем этапе развития научной методологии, то потом с эпохи Просвещения наука занимает место нерушимого авторитета.

То есть буквально она пришла на территории, ослабленные христианством. И здесь наука оказалась наиболее приспособленной, потому что мало конфликтовала с христианством и могла развивать на начальном этапе свои исследования без отрицания веры. Многие говорят о том, как наука развивалась вопреки христианству, но, как мне видится, дело здесь в обратном: наука смогла возникнуть благодаря христианству, захватить университеты и потом отделиться от христианства, достигнув соответствующей мощи. Уникальные философские, мистические, магические и прочие учения нередко вступали в прямое противостояние с доминирующей религией, но наука здесь оказалась куда более гибкой. Она смогла стать «служанкой» христианства, чтобы набраться сил, избавиться от всех потенциальных оппонентов и в итоге ниспровергнуть материнскую религию[27].

Я с большим трудом представляю себе, как наука реально

[27] Как минимум, данная картина выглядит вполне стройной и соответствует фактам. Те же представления, озвучиваемые сциентистами о науке, которая вопреки доминирующей религии развивалась, смотрятся довольно слабыми, потому что мы достоверно знаем о том, что большинство ученых были либо христианами, либо имели очень близкие к христианству взгляды.

конкурировала бы с Античными философскими школами на равных. Мне, честно говоря, не кажется, что в результате такой конкуренции она смогла бы выйти победительницей. Если все же пытаться приводить какую-то эволюционистскую аналогию, чтобы описать, как науке удалось прийти к лидерству, то в голову приходит такой пример: произошло вымирание, в мире осталось всего-то 5% выживших ослабленных видов, над которыми возвышается один из них (христианство); этот хищный вид проявляет агрессию ко всем и не дает им размножиться и стать сильнее; и тут появляется паразит науки, который долгое время пьет кровь могучего хищника, а после его ослабления сам становится опаснейшим хищником на планете. С такой перспективы эволюционистская аналогия не выглядит так уж благородно.

Параграф 11. Вред, который наносит наука философии

Современная философия — жалкая тень философии прошлого как по влиянию, так и по степени независимости от науки. Чего только стоит тот факт, что в рамках аналитической философии самой распространенной позицией по вопросам философии сознания является физикализм[28]? Форма современной философии тяготеет к научной (а не какой-либо другой) строгости, а современные "философы" подражают ученым в формате написания текстов и в используемых аргументах (с некоторыми исключениями). Апелляция к науке и научным фактам для большинства философов что аналитического, что континентального крыла по большей части видится убедительной, несмотря на все те неточ-

[28] Физикализм — это философское направление, которое утверждает, что все, что существует, является физическим. В контексте философии сознания это означает, что сознание является физическим явлением, которое может быть объяснено с помощью физических законов. Существует ряд разновидностей физикализма. Одна из наиболее известных разновидностей — это теория тождества, которая утверждает, что ментальные состояния тождественны физическим состояниям мозга. Например, боль — это просто активность определенных нейронов в мозге. Другая разновидность физикализма — это теория редукции, которая утверждает, что ментальные состояния могут быть сведены к физическим состояниям. Например, боль может быть сведена к определенным изменениям в активности нейронов в мозге.

ности и фантазерства, которые включает в себя научный факт. Для большинства "философов" заслуги науки не требуют доказательств, под вопрос не ставится её связь с объективной реальностью, а также аксиомой представляется связь науки и практики.

Так же, как и в науках, философы взращивают специализацию, что в целом противоречит духу философии. Философия пытается перевести свои дисциплины (онтологию, теорию познания, этику, эстетику) к состоянию независимых друг от друга "наук", хотя наиболее фундаментальные мыслители всегда были создателями целостных систем, которые включали в себя значительную часть этих дисциплин. Наука победила философию и поставила её на колени, заставила философию подражать науке и даже дополнять её в тех вопросах, где сама наука со своим методом не справляется с ответами. Философия была "служанкой богословия", а в наши дни становится "служанкой науки", то есть перестает быть сама собой, а, следовательно, не может справиться с задачами культуротворчества, создания новых мировоззрений (картин мира) и новых областей человеческой деятельности (как в свое время это было с наукой, искусством, отчасти с религией и многими другими сферами).

Уничтожение философии – дело абсолютно неприемлемое для человечества, потому что она выполняет ряд важнейших функций, которые наука не сможет заменить. Обывателю кажется, что философия бесполезна, но мир вокруг

нас по большей части создан философами, а не учёными. Даже сами ученые возникли благодаря философии. Важно помнить, что философия – это начало всего. Что создаётся человеком, то есть продуктивное мышление. Это не какая-то область исследований и не какой-то набор методов. Это чистое продуктивное мышление, проявленное в своем максимальном величии. Философия не только создает, но и осмысляет многочисленные объекты феноменального и ноуменального миров. Философия формирует и осмысляет понятия пользы, практики, математики, культуры, искусства, религии, науки, счастья, любви, этики, морали, разума, рассудка, интеллекта, политики, политических систем, свободы, цели, прогресса, ценности, логики, логических систем, агностицизма, критицизма, скептицизма, психологии и герменевтики, а также является одним из важнейших стимулом для изменения законов, языков и экономических систем. Она является важнейшим стимулом для развития мышления. И этим всё не исчерпывается. Философия, отказавшаяся от продуктивного мышления и вставшая на колени перед наукой, лишается собственной полезности.

Наука негативно влияет на философию. Да, наука производит многочисленные научные факты (которые чаще всего не являются исчерпывающими), что нередко оказывается полезно для обсуждений и размышлений, но в толще этих фактов наука душит философию авторитетом и успешностью. Философы тоже хотят быть успешными. Они тянут-

ся к науке и научности. Они пытаются добиться наукоподобия, но в таком случае ни о какой самостоятельности не может идти и речи. Повторяется история с христианством. В наши дни есть система, перед которой преклоняется большинство людей. Наибольшее количество интеллектуалов на стороне этой системы. Они работают для того, чтобы делать эту систему всё больше и больше. Вся совокупность разнородных философов (аналитиков, марксистов, позитивистов, постмодернистов) не сравнится со всей совокупностью ученых. Ученые создали себе чуть ли не отдельную касту, которая привлекает все больше и больше людей. В мире же сейчас настоящих и при этом известных философов наберётся значительно меньше, чем нобелевских лауреатов по физике.

Работа по уничтожению философии проведена успешно. Академическая философия сама себя разбила, но сделала это во многом благодаря науке. В философии больше не пестуется создание новых систем и инакомыслие. Новые взгляды на мир не обогащают нашу культуру и общество. Мы стремимся к монотонному и скучному научному миру, в котором планируется только одна идеология. Этот мир будет беден на смыслы и описания. Он будет беден на картины мира. Сначала наука уничтожит философию, а после этого покончит со всеми религиями. Это очевидное следствие из гегемонии науки.

Параграф 12. Наука против религии

Существуют религиозные сциентисты, которые не понимают, что наука и все большие религии друг другу противоречат. Например, ислам. В рамках исламской религии Аллах каждое мгновение творит мир. В этом смысле либо он, либо физические законы являются излишними для описания происходящих вокруг явлений. Понятно дело, что мусульманин выбирает Аллаха. Более того, научная картина мира строится на том, что миром управляют исключительно законы природы. Удвоение законов природы и сил Аллаха немыслимо в рамках науки. Более того, эти воздействия логически взаимозаменяемы. Законы природы также не могут быть волей Аллаха, потому что тогда они не будут естественными, что противоречит науке. Конфликт науки и ислама оказывается неизбежен из-за противоположных онтологических предпосылок.

Христианство здесь не уступает исламу, потому что христианский бог легко вмешивается в события этого мира. Он убивает целые популяции, топит человечество, умирает, воскресает и творит многочисленные чудеса. Христианский бог никогда не был деистическим. Это вполне деятельный бог, который часто вмешивался в работу нашего мира. Нау-

ка же допускает, что метафизические или какие-либо иные влияния на мир и законы природы невозможны. Это убеждение необходимо для того, чтобы работали даже самые простые научные методы. Например, радиоуглеродный анализ. Если бог (или какая-то другая сущность) может осмысленно вмешиваться в скорость распада углерода, то этот метод, как и почти все другие, становится буквально ненадежным. Если бог может осмысленно размещать окаменелости под землёй, то о какой археологии и доказательствах может идти речь? Суть проста: всемогущий христианский бог, постоянно вмешивающийся в жизнедеятельность нашего мира, противоречит научной методологии и теориям, которые следуют из неё.

Некоторые сциентические христиане и мусульмане понимают под наукой нечто иное, а потому пытаются спасти науку в контексте собственной религии, но со стороны чистого сциентизма вмешательство в существование естественного мира отменило бы необходимость большинства законов природы. Зачем нам естественный отбор, если есть божественный отбор? Зачем нам естественная эволюция, если бог своим всемогуществом заставляет живые существу изменяться? Или, может, он вообще не заставляет никого изменяться, а лишь подбрасывает нам кости и прочие факты? Допущение всемогущего бога в онтологической системе открывает путь к любым спекуляциям, а также объясняет буквально всё, что только можно объяснить, притом сразу несколькими спосо-

бами.

Наиболее приемлемая религиозная картина мира для сциентиста – это деизм. Не удивительно, что многие философы эпохи Просвещения придерживались именно его. Только есть один нюанс: ни одна современная мировая религия не является деистической. Деизм подразумевает, что Бог создал мир и его законы, а после не вмешивался в дальнейшее развитие природы. Проблема заключается в том, что Аллах буквально каждое мгновение вмешивается в это развитие. Более того, христианский бог не отстаёт. Сам Иисус Христос – это нарушение деистических установок. Мы уже не говорим о Всемирном Потопе и многих других воздействиях Бога на мир.

Следует заметить, что я никак не порицаю антинаучность христианства, ислама, иудаизма и буддизма. Иметь предпосылки, отличные от научных, — это нормально. Я здесь выступают против безосновательного и противоречащего их религиозным взглядам сциентизма. Христианам, мусульманам, иудеям и буддистам важно понять, что наука – это их основной и самый могущественный враг. Главная угроза, по причине которой их религиозные взгляды в ближайшем будущем могут исчезнуть. Авторитет христианства не единожды подрывался с позиций сциентизма. Одно из первых подобных событий произошло в Эпоху Просвещения. С каждым последующим столетием христианство теряло позиции в развитых странах и в среде образованного населения. Да,

сейчас христиан всё ещё очень много. Их, скорее всего, так много, как не было никогда, но в борьбе за образование и в целом за образованное население христианство потерпело существенное поражение. Абсолютный авторитет христианства на определенных территориях и в определенных областях был подорван во многом благодаря науке.

Сциентисты не скрывают своей цели тотальной доминации науки в мире. Большинство ученых и фанатиков жаждут распространения научной картины мира посредством образования и типичной пропаганды. Научная и религиозная картины мира противоречат друг другу. Даже в самых влажных фантазиях и самых удивительных христианских трактовках религиозных текстов невозможно обнаружить полного совпадения. Некоторые же попытки привести религиозную картину мира к научной нарушают все научные принципы, включая Бритву Оккама. Например, известно, что до грехопадения люди и животные были бессмертны. Интересная такая эволюция получается с бессмертными животными. Так вот, человек появился тогда, когда он должен был появиться по описаниям науки. Но вместе с его грехопадением смертность переместились и далеко в прошлое, так скажем, произошёл перезапуск вселенной. То есть существовало два таймлайна: в одном животные – бессмертны, а в другом они получили смертность из-за человеческого грехопадения. И человек в этой картине мира не просто представитель отряда приматов и семейства гоминидов. При совмещении религи-

озной и научной картины мира всегда получается какая-то такая фантастика, в рамках которой искажаются и научные, и религиозные представления. Бритва Оккама не просто нарушает, а нарушает крайне сильно. Выше я озвучил представление одного из современных религиозных мыслителей.

Религиозные люди должны понимать, что наука – это их враг. Научная картина мира – противоположна религиозной. Научная картина мира при этом не является доказанной и неоспоримой. Просто большинству людей лень тратить интеллектуальные ресурсы, чтобы вникать в научную методологию и пробовать критиковать научные догмы. Легче придумать фантастическую историю о том, как бог телепортировал во времени грехопадение, чем конкурировать с научным дискурсом, стремящимся к тотальному уничтожению твоей религии.

И тут глупейшие из верующих воскликнут: но как же верующие ученые?! А?! Как же они?! Это не доказывает, что наука религиозна?! Действительно, в классический период многие ученые были верующими, но:

1. Современная наука полностью натуралистична, а религиозные взгляды верующих ученых никак не влияют на научную картину мира сейчас;

2. Мало ли, какие противоречивые взгляды могли быть у исследователей прошлого и какие из них могут быть у исследователей настоящего?

Выше заявлена позиция, согласно которой совмещение

любой из известных мировых религий и науки является в корне противоречивым. Апелляция к авторитетам, которые допускали это противоречие в своих взглядах, не является сильным контраргументом, так как представляет собой обычную неформальную логическую ошибку. И да, ученые прошлого, впрочем, как и ученые настоящего, могли ошибаться во многих вопросах, включая вопрос о соотношении науки и религии.

Думается, я достаточно неплохо объяснил сущность религиозных и научных противоречий, а также показал, что наука – это самый могущественный враг подавляющего большинства религий. Наука – это главная угроза, которая в скором времени может привести к исчезновению всех противоречащих ей религиозных и философских систем. Не стоит недооценивать силу школьного и университетского образования. Второе получают в том числе довольно успешные и влиятельные люди, которые могут воздействовать на политические институты и даже на само общество. Дальнейшее распространение научной картины мира и укрепление её в образовании – величайшая угроза для духовности и мышления.

При этом всем только у современных мировых религий есть ресурсы для того, чтобы организовывать полноценные исследования, альтернативные научным. Только религиозные организации имеют подобный потенциал, а также достаточное количество людей. При должном желании именно в

мировых религиях может возникнуть полноценная альтернатива науке, которая будет описывать все известные факты согласно догматам собственной религии. У философов не получится создать подобную систему, потому что методы и убеждения представителей разных философских школ радикально разнятся, а также имеются многочисленные факторы, разделяющие нас.

Я, будучи плюралистом, стремлюсь к развитию разных систем. Если хотя бы один подход сравнится с научным по уровню обработки фактов, то это будет гигантский скачок для всего человечества. Более того, важно понимать, что если никто не будет пытаться переиграть науку на её же поле, то рано или поздно исчезнут все предпосылки для занятия философий и религией. Вскоре наука нам всем объяснит со своей высочайшей колокольни, почему мы не правы, и, может быть, даже заклеймит нас сумасшедшими, носителями магического или шизофренического мышления, а также её сторонники придумают множество оскорбительных ярлыков, чтобы описать наши ничтожные попытки превозмочь научное светобесье своим жалким мракобесием. В интеллектуальной войне против монополии науки на познание необходимо объединить все возможные силы, а также необходимо убедить как можно больше верующих в том, что наука им точно не друг. В этой игре вы либо выступаете на стороне своей религии, либо потворствуете распространению научного мировоззрения, ослабляя свою религию. Притом без-

действие здесь ослабляет, потому что в это самое время наука образовывает ваших детей и вообще всех детей в мире.

Наука настраивает людей против любой религии и философии, кроме своей собственной. Осознание этого факта должно пробудить умы разных верующих и философов, но, как мне кажется, многие проигнорируют изложенные аргументы и дальше будут стремиться к объединению науки и их мировоззрения, руководствуясь сиюминутной выгодой, то есть сиюминутным признанием, но игнорируя поражения их мировоззрения в долгосрочной перспективе.

Параграф 13. Объективность

Объективность, базирующаяся на субъективности, не является подлинной объективностью. Объективность базируется на субъективности в тех случаях, когда тот или иной критерий оценивания создал человек (или другое разумное существо). Например, оценивание творчества по степени новаторства. Мы можем независимо от каких-либо эмоций признать, что то или иное произведение является более новаторским, если имеем достаточно опыта для этого и нам всегда могут указать на ошибку и показать прецедент совпадения и повтора, но кто вообще сказал, что новаторство — онтологически значимая величина, чтобы по ней оценивать произведения? Какое отношение это новаторство имеет к самому объекту? В этом и заключается проблема: большая часть объективностей — это просто формы договорённости о тех или иных правилах, в рамках которых люди не могут принимать субъективных (в смысле эмоциональных или произвольных) решений. Но сами эти формы договорённости, судя по всему, являются субъективным произволом отдельных авторитетных людей или же групп. Хорошим примером здесь служат математика и логика, которые, судя по всему, не имеют коррелята в реальности и не являются онтологически значимыми и релевантными реальности, но в их рамках может существовать какая-то "объективность".

Объекта — нет, но объективность — есть.

Объективность определяется в двух смыслах. Объективность — соответствие объекту или же независимость от субъекта. В последнем смысле большая часть так называемых объективностей зависимы от субъектов, которые их провозгласили и навязали другим, а другие уже постфактум воспринимают те или иные объективности как незыблемые законы мышления, мироздания и приписывают их реальным объектам, наделяя в корне субъективные методологические заходы значимостью.

В рамках научного дискурса и в рядах сциентистов довольно часто люди спекулируют словом «объективность», не понимая в этом случае ничего конкретного. Всего-то независимость от субъекта делает те же шахматы или карточные игры объективными даже в большей степени, чем большинство научных методов. В этом и заключается парадокс. Есть две объективности: одна указывает на истину и реальность, а другая – абсолютно ничтожна и незначительна. Она сродни «объективности» карточных игр. Основная проблема заключается в том, что подтвердить свое отношение к реальности и реальному объекту наука принципиально не может. Сциентисты и ученые не видят смысла доказывать, что они изучают реальность на языке самой реальности. Именно поэтому вся научная «объективность» сродни игровой.

Вообще, если бы сциентисты серьезно относились к философии науки, то могли бы осознать ряд проблем и пробелов в

своей аргументации. Например, необходимость «естественной установки». Если перечислить сциентисту все пункты естественной установки, то он может некритично от них отмахнуться. Впрочем, «объективность» науки в сильном смысле без естественной установки просто невозможна.

Мир является естественным и только естественным. Если вдруг окажется, что существуют сверхъестественные сущности, которые подменяют собой законы природы или тем или иным способом воздействуют на фактическое положение вещей в мире, то подавляющее большинство методов науки в это самое мгновение могут стать как минимум сомнительными. Степень объективности резко падает, а многие вещи в такой системе могут оказаться буквально ложными. Большая часть выводов в науке строится на допущении этого положения. Если его убрать, то можно даже сомневаться в верной работе телескопов и микроскопов. Вдруг какие-то сверхъестественные силы заставляют нас видеть то, чего на самом деле нет.

Для подавляющего большинства ученых и сциентистов это убеждение не просто не подвергается сомнению. Оно даже не осознается как некоторое убеждение, которое в принципе можно обсуждать. Так силён научный догматизм. Он переводит недоказанные и недоказуемые положения в состояние абсолютной и неоспоримой веры, выдаваемой за знание. Мы видим в микроскопах и телескопах «объективную реальность», хотя это «объективность» и не выдерживает-

ся довольно легкой критики. Отвечать на критику серьезно мало кто собирается. Доказывать тотальную естественность мира тоже.

Не умножай сущности. Допустим, что в мире настолько много естественных сущностей, что мы, люди, просто не способны его познать. Допустим, существуют такие естественные элементы, которые мы не можем заметить и измерить. Они влияют на всё, что мы исследуем, а потому у нас не получится составить адекватное теоретическое представление об изучаемом предмете.

Важно помнить, что наука познает большинство вещей посредством простейших вероятностных выводов. Например, таким образом, были открыты «атомы». Вследствие химических преобразований было обнаружено, что некоторые вещества не делятся дальше. Была составлена достаточно большая модель, которая показывала, как работает микромир на уровне атомов. Эта модель в том числе наслаивалась на практику. Только вот есть один нюанс: все это были интеллектуальные построения, подкреплённые опытом. Мы можем допустить бесконечное множество разных моделей, которые будет также неплохо описывать опыт и соотносить с ним, но при этом не будут нуждаться в понятии атома. Совсем не обязательно прибегать к разным сверхъестественным примерам.

Наука всегда нащупывает путь вслепую. Об этом важно помнить. И важно помнить, что глаза здесь заменяются ра-

зумом и фантазией, которые ограничены многочисленными культурными особенностями и разного рода убеждениями. Возможно, сущностей настолько много, что мы никогда не сможем верно описать мир.

Мир функционирует по одним и тем же законам на всех уровнях, в любом месте и в любое время. Это тоже часть естественной установки, без которой представления об объективности науки не работают даже на уровне получаемого опыта. Представим себе, что в микро-, макро- и мезомирах работают абсолютно разные законы. Например, законы оптики. В таком случае, любые оптические кажимости в микромире становятся сомнительными. Собственно, в макромире тоже. Благодаря этому микробиология и астрономия становятся сомнительны. Допустим, скорость распада углерода менялась с веками. Из этого следует, что метод радиоуглеродного анализа может оказаться неточным.

Допущение изменения законов природы во времени и пространстве буквально разрушают научную методологию, но ученые плюс-минус уверены в том, что одни и те же законы работали всегда и везде. Это базовое убеждение, которое необходимо для существования науки как таковой. Доказать же это убеждение, скорее всего, невозможно, но его доказательство требуется для того, чтобы быть уверенным в объективности науки в сильном смысле этого слова.

Мне видится, что многие сциентисты и ученые буквально думают, что наука напрямую поставляет объективность в

строгом смысле из самой реальности как она есть. Как будто бы для этого не используются многочисленные сомнительные ментальные операции. Как будто бы теории науки не опровергаются одна за другой. Как будто бы положения естественной установки являются несомненными и неоспоримыми, но ведь они приняты совершенно без доказательств. Всё колоссальное здание науки стоит на нескольких хрупких философских предпосылках. На этом строится и вера в её объективность.

Объективность в сильном смысле – это очень амбициозная концепция, которая требует значительных доказательств. Объективность в слабом смысле – абсолютно незначительна и не является чем-то важным для нас. Иначе мы бы с трепетом относились к «объективным» настольным играм, картам и шахматам. Сильное определение объективности отсылает к реальности, а слабое – лишь к нашим фантазиям. То, что нечто не зависит от субъекта, не делает это ни в какой степени достоверным и важным. Сциентисты часто хватаются объективностью науки, но какова ценность этого хвастовства? Зависит от определения объективности. Первый тип очень трудно достойно аргументировать, а второй – ничего не значит и нет никакого смысла цепляться за него. Именно поэтому я не вижу никакой ценности в научной объективности, так как эта объективность толком ничего не гарантирует.

Параграф 14. Наука и скептицизм

В наши дни нет больших антискептиков, чем ученые и сциентисты, а также члены клуба "Скептикон". Именно они довольно часто пытаются раскритиковать абсолютное сомнение и доказать, что их псевдоскептицизм — и есть истинная форма скепсиса. Другие критики скептицизма хотя бы не похищают бренд и не выдают себя за скептиков. Скептицизм – это такой философский подход, в рамках которого люди приходят к состоянию абсолютного сомнения, то есть такому состоянию, когда у них отсутствуют убеждения. Конечно, постоянно находиться в этом состоянии они не могут, как христианин не может, например, всё свое время думать о боге, а ученый о науке. Состояние абсолютного сомнения подразумевает, что в данный момент у вас отсутствуют убеждения вообще. Наличие убеждений онтологического, этического, эстетического характеров превращаются вас в догматика.

Вы можете сказать, что для скептицизма нет обязательно сомневаться буквально во всем. Ответ здесь довольно прост: всё люди в чём-либо сомневаются. Если судить о скептицизме по наличию сомнения, то все люди окажутся скептиками, а потому такой подход делает скептицизм тривиальным. Вы можете попробовать определять скептика посредством количества его сомнений и убеждений, а не с помо-

щью достижения некоторого чистого состояния, но в таком случае окажется, что те же «скептиконщики», сциентисты и ученые имеют в среднем куда больше убеждений, чем многие другие группы людей. Во-первых, мне видится, что попасть в «Скептикон», науку или стать полноценным сциентистом могут преимущественно образованные люди. Образованный человек уверен в среднем в большем количестве вещей, чем необразованный. То есть у него буквально больше убеждений. Почему больше? Потому что он потратил годы на приобретение этих методологических, теоретических, онтологических, этических и эстетических убеждений. Бывают исключения, но они довольно редки. Нет такого образования, которое бы учило сомневаться. Всё образование в мире настроено на выработку тех или иных убеждений, а потому человек, который образовывается, зачастую имеет больше убеждений, чем кто-либо. Наибольшее количество убеждений в среднем будет иметь учёный, потому что его обязанность – прочитывать огромное количество литературы по своей и смежным темам. Понятно, что проверить все данные он точно не сможет.

Если измерять скептицизм по степеням убежденности, то окажется, что сциентисты, ученые и «скептиконщики» — это самые антискептичные группы людей в мире. Более того, убежденность верующих чаще всего выражается в слабой форме, то есть посредством слова «вера», а вот убеждённость сциентистов в сильной, то есть словом «знание».

Сциентисты и ученые говорят о неоспоримом знании, когда у них в руках нет никакого знания. Они претендуют на доказанную истину, хотя не учитывают огромного количества нюансов, о которых мы уже говорили и о которых ещё поговорим. Радикализм в мировоззрении сциентистов часто превышает религиозный фанатизм, несмотря на то, что сциентисты не убивают неверных. Сцентизм пронизан фанатичной верой в то, что наука – это лучшая из систем, добывающих именно «знание».

Если вы согласны с тем, что сциентисты по параметру количества убеждений дальше многих других групп людей находят от скептицизма, то у вас остаётся последнее фундаментальное возражение: они не только имеют больше убеждений, но и больше используют операцию сомнения. С этим я соглашусь, потому что они чаще всего оперируют этим словом и для них оно является методологически значимым. Средний представитель христианства, ислама или буддизма, скорее всего, не будет формулировать своё недовольство чьими-то выводами через сомнение, но тут есть один нюанс: мы имеем дело не с абсолютным сомнением, а с частным. Частное сомнение мало чем отличается от догмы, потому что всегда подчиняется тому или иному набору убеждений. Например, вы сциентист, а потому сомневаетесь во всем ненаучном. Есть и попытки создать христианский скептицизм, где точно также люди сомневались во всем нехристианском. С тем же подходом можно рассуждать о буддий-

ском, исламском, языческом и прочих формах скептицизма, то мне видится крайне нелепым.

Также можно сформулировать ещё одно возражение: да, сомнение во всем ненаучном – не выглядит как некая форма скептицизма, потому что такой же приём при желании могут использовать представители любых мировоззрений и религий, но у науки в отличие от религии есть механизмы самокритики и самосомнения. Проблема заключается в том, что в религиях тоже присутствуют механизмы самокритики и самосомнения. В христианстве, например, даже есть отдельная тема о кризисе веры и методах работы с ним. Само христианство в разных его обличьях известно своей способностью модернизироваться и приспосабливаться к разным обстоятельствам. Буддизм в этом плане оказывается даже более пластичен и адаптивен. Более того, вся самокритика и сомнения внутри религий и науки носят догматический характер, то есть в качестве основных принципов, управляющих сомнением в этих областях, выступают недоказанные и, возможно, недоказуемые философские убеждения. Про естественную установку в науке я уже писал многократно, но это далеко не полный список убеждений, который руководит сциентистом и учёным в процессе самокритики.

В общем, научный скептицизм качественно не отличается от христианского, исламского, буддийского и прочих существующих и возможных форм «скептицизма». Здесь нет абсолютного сомнения и нет воздержания от убеждённости.

Здесь нет работы со структурой своих убеждений. Мышление ученого работает по методичке, которую составили за него. Базисные положения науки – это обыкновенный набор недоказуемых философских позиций. Отсутствие сомнения в этих позициях может легко доказать, что перед нами не сообщество скептиков, а сомнение в рамках самой науки – это лишь догматический инструмент, который нужен для того, чтобы укреплять прочую догматику.

К сожалению, люди, которые больше всего ненавидели скептицизм, решили взять на вооружение его бренд и использовать в своем словаре слово «сомнение». К сожалению, Эпоха Возрождения и Новое Время не смогли возродить античный скептицизм, а потому современное его понимание размылось. Мы имеем дело с какими-то ущербными промежуточными формами сомнения, доступными буквально всем людям. Отсюда и радикальное сомнение Декарта, и скептицизм Монтеня, и скептицизм Юма, и научный скептицизм. Как по мне, использование бренда скептицизма в большей степени навредило настоящим скептикам, чем любой догматизм. Теперь ведь толком не разберешься в том, кто настоящий скептик, а многие люди норовят считать себя сомневающимися и принимающими только очевидные и доказанные вещи. Эти люди редко задаются вопросом о критериях истины и очевидности. Они уже нашли ответ на эти вопросы. Для них существуют доказанные знания.

Для меня же важно подчеркнуть, что у науки и скептициз-

ма нет ничего общего. Все сомнения, которыми пользуются ученые, носят исключительно частный и догматический характер. Характер этих сомнений мало отличается от бытового. Это псевдоскептицизм. Бренд скептицизма используется догматическими направлениями для того, чтобы избежать обвинений в догматизме, потому что со времён Просвещения догматизм считается чем-то недостойным, а потому многочисленные формы догматизма были вынуждены принимать критическую и скептическую форму, но не содержание. После эпохи Просвещения стали популярны попытки отделиться от догматизма[29], но, к сожалению, мало кто так хорошо и досконально проработал понятие догмы, как это сделали скептики, а потому все эти попытки завершились неминуемым провалом.

[29] Прежде всего религиозного.

Параграф 15. Наука и практика

Большинство людей не анализируют понятие науки, а потому размышления о том, что наука и практика теснейшим образом связаны у них не вызывает сомнения. Для них наука это и сбор данных, и построение моделей, и создание теорий, а для некоторых – практика сама по себе. Именно поэтому им трудно осмыслить, что наука и практика не так тесно связаны, как им представляется.

Подлинная наука обретает себя в теории, а все дотеоретические подходы к накоплению и классификации информации назвать подлинно научными нельзя. Например, создание модели – это еще не наука. Или накопление эмпирического опыта – это ещё не наука. Отсюда и формируется вопрос: а насколько необходима теоретическая наука для новых практических открытий?

Давайте условимся, что научный метод возник как минимум веке в XVII. Я подразумеваю ту философскую методологию, которую развивали Галилей, Ньютон и прочие последующие ученые. Если мы будем понимать под наукой любой способ познания, начиная с Фалеса, то говорить здесь будет не о чем[30]. Более того, если мы автоматически будем присовокуплять к понятию науки ещё и практику, то вопрос о со-

[30] Существует очень много подходов к определению науки, что мы разобрали в самой первом разделе данной книги.

отношении науки и практики становится бессмысленным.

Вопрос о соотношении науки и практики следует решать таким образом, что мы сначала отделяем одно от другого, а потом смотрим на всевозможные взаимосвязи. Именно поэтому под наукой я понимаю не столько академическую структуру, которая включает в себя практику и теория, а именно определенную теоретическую методологию. Не всякая теория, как мне видится, будет научной, потому что существуют ещё философские теории и религиозные. Здесь принципиально важно разъяснить, чем они отличаются друг от друга. Прежде всего, научные теории носят натуралистический характер, но не всякая натуралистическая теория будет научной, потому что научная теория должна с необходимостью содержать возможность собственного опровержения (фальсификации). Подобные теории начали создавать в лучшем случае со времен Галилея.

Формула науки выглядит приблизительно так: структурированные результаты наблюдений и опытов + математическая модель + натуралистическая теория + фальсификация (чаще всего посредством классического эксперимента). Впрочем, структурированные результаты наблюдений и опытов были как у алхимиков, так и у астрологов, но научности в их подходах не имелось. То есть данный критерий является не достаточным, а всего лишь необходимым. Наличие математической модели тоже сложно назвать достаточным критерием для определения науки, потому что математические

модели можно строить в мистических, магических или практических целях. А вот критерий натуралистической фальсифицируемой теории можно называть достаточным, как минимум, в моём понимании того, чем наука является в данном обсуждаемом нами ракурсе. Мы будем отталкиваться от этого понимания.

Откуда проистекает практика? В донаучный период, то есть до XVII века, практика имела несколько источников: 1. практика следовала из практики; 2. практика следовала из опыта; 3. практика следовала из моделирования. Первый источник функционирует на методе проб и ошибок, который является основным для создания практики. Опыты и наблюдения же всегда преследовали человечество, а потому практические достижения следовали и из этого фактора. Моделирование также имело место, потому что всегда можно было что-то расчертить и попробовать вообразить в рамках некой модели, ориентируясь на наши практические представления. Так вот, мой тезис заключается в том, что эти источники практики так и остались основными, а научная теория сама по себе в отрыве от опытов и моделирования не привносит в практику ничего значительного, кроме объяснения того, чем занимаются практики.

Научная фальсицируемая теория лишь мотивирует исследователей проводить новые опыты, но напрямую на практику не влияет. Почти любое направление мысли может реконструировать свою теоретическую базу таким образом, что

мотивировать практику развиваться дальше, а также сможет объяснить все происходящее практикующим хоть законами диалектики, хоть божественным вмешательством. Научная теория, то есть сама наука, в этой области, как мне видится, оказывается полностью заменимой. Конечно, большинство людей подразумевают под наукой не только методологию создания натуралистических теорий, но и процесс накопления опыта и моделирования. Я их намеренно отделяю для анализа, потому что понимаю, что при сохранении опыта и модели, но при искажении теории, скорее всего, мы получим всё те же практики. Нам без разницы, как функционирует электричество на самом деле. Лишь бы мы пришли к тем же практикам, который сейчас нам позволяют им управлять. Мы можем иметь похожий опыт, те же самые модели, но при этом пользоваться совершенному другим типом теории, отличным от научного.

В качестве подтверждения своего преставления о науке и практике я бы хотел привести примеры того, что до XVII века в Европе было сделано множество удивительных изобретений, от сложнейшей металлургии, линзы, телескопа, до полноценного парового двигателя. Да и не все изобретения XVII века необходимо записывать в копилку науки даже косвенно. Я бы хотел сказать, что это не наука выступила главным стимулом развития практики в европейском регионе, а практика выступила фундаментальным стимулом развития науки, что в итоге привело к монополизации практики наив-

ными теоретиками.

Да, у научных теорий нередко получается даже предсказать некоторые будущие открытия, но кто сказал, что научный тип теоретизирования единственный, позволяющий делать подобные предсказания? Потенциально можно вообразить бесконечное множество подобных методологий. И научный метод будет одним из многих в этой бесконечности. Потому я глубоко сомневаюсь в том, что в развитии практики наука и только наука может играть хоть какую-то роль. Также мне кажется, что роль науки в развитии практики очень сильно завышена. Если мы, люди, продолжим пробовать и ошибаться, собирать данные и создавать модели, то без всякой науки будем эффективно развивать практику. Более того, нет никакой гарантии в том, что наука дает лучшую мотивацию техническому прогрессу. Может быть, существуют более продуктивные философские стратегии, которые могли бы мотивировать практиков заниматься своим делом. Но мы обо всем этом не узнаем, пока научное мировоззрение будет являться доминирующим.

Вполне возможно, что мы просто уцепились за первое мировоззрение, которое так или иначе ориентировано на объяснение практики, а потом в своем фанатизме и глупости отказались от дальнейших поисков более эффективных методологических подходов. Монополия науки закрывает нам глаза на возможности. Быть может, без науки практика развивалась бы быстрее, если бы люди не разбрасывали ресурсы

на построение всевозможных теорий. Может быть, есть лучшая или хотя бы сравнимая методология, которая бы обогатила наш опыт. Мы об этом не узнаем, пока не будет развивать альтернативные подходы.

Подробнее об этих проблемах написано в книге «Философия практики». Рекомендую её к прочтению.

В общем, соотношение науки и практики – это большая философская проблема. Наивно полагать, что в этом вопросе все так просто. Для многих людей священная наука подарила им компьютеры, телефоны, медицину и все технологии вокруг. Большинство людей даже не упоминают инженеров и медиков, которые вполне стандартными для практики методами, пришли к своим открытиям и изобретениям. Слишком упрощённые представления о том, как взаимодействуют наука и практика, чаще всего ведут к обожествлению науки. Наука из конкретной познавательной методологии превращается в культ. Апелляция к практике является главным аргументом в пользу науки и научного познания, а миф о нерушимой связи науки и практики – главная причина, по которой научная методология не имеет альтернатив. Именно благодаря такому догматизму, вымерла натурфилософия, разновидностью которой и была научная методология.

Мне видится, что представители науки относительно бесчестным путём убедили инженеров, практиков и обывателей в том, что наука необходима для практики, забыв прояснить, что сбор данных и создание моделей – это не суть на-

учного метода, а лишь его необходимая составляющая, которую наука может разделить со множеством других теоретических направлений. Ввиду достаточно демонстративной эффективности практики, наука пропиарила свою методологию на трудах многочисленных инженеров, медиков и прочих практиков, что привело к её неоспоримой доминации как в натурфилософии, так и в познании вообще. Впрочем, мне сложно обвинять ученых в осознанном обмане, потому что, как мне видится, произошёл самообман. Им приятно видеть себя лидерами прогресса. Это повышает значимость науки и каждого отдельного учёного. Впрочем, может оказаться, что сциентисты и ученые, будучи догматиками, упустили более эффективные подходы, а потому в каком-то смысле способствуют замедлению технического прогресса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.